ISSN 0131—5994

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА
№ 5/86
Май

В НОМЕРЕ:

ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ XII ВСЕМИРНОГО. Это мгновение Памяти, которой был пронизан Московский фестиваль, состоявшийся в 40-ю годовщину Победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом, памяти о прошлом и во имя будущего. Здесь, у могилы Неизвестного солдата возле Кремлевской стены, был зажжен факел XII Всемирного, сюда приходили представители молодого поколения планеты, чтобы почтить подвиг советского воина-освободителя и выразить решимость не дать силам империализма ввергнуть мир в пучину войны.

Фото В. РУНОВА, В. КИСЕЛЕВА (АПН)

Я обращаюсь к тебе

Вильмош ЧЕРВЕНИ, генеральный секретарь ВФДМ

Примерно столько времени потребуется на чтение материалов, которые редакция предполагает публиковать под этой новой рубрикой. Не так уж много, если разобраться, но нам бы хотелось, чтобы ты, наш читатель, не потерял его впустую, так же как, бывает, что греха таить, растрачиваются минуты, часы, дни — драгоценное время нашей жизни. Если нам это удастся и рубрика заинтересует тебя, значит, и твое, да и наше время было не растрачено, а потрачено с пользой, то есть так и для того, для чего человеку дается время его жизни.

Рубрику открывает разговор генерального секретаря ВФДМ — Всемирной федерации демократической молодежи,— организации, объединяющей миллионы молодых людей из более чем 100 стран,— с корреспондентом «Ровесника» Н. ЧУГУНОВОЙ и обращен непосредственно к читателям «Ровесника».

Ждем писем с первыми впечатлениями, а следовательно, и твоей помощи в выборе тем для раздумий о времени и о себе.

Не подумай, что я собрался учить тебя жить. Я еще сам учусь. И хотя я родился в пятьдесят первом году, продолжаю ощущать мир как в юности. Я не сказал: «как ты»,— это невозможно. Но — как в твои годы. И поэтому кое-что в тебе я могу понять, и еще потому, что у меня оказалось чуть больше времени на размышления в силу моего возраста.

Тебе может показаться, что я намекаю, будто отлично знаю все твои проблемы и самого тебя вижу насквозь. Это не так. И то, что я немного тебя понимаю, ты можешь, конечно, оспаривать сколько угодно, но только потом, когда я выскажусь.

Итак, о чем бы мне хотелось тебе сказать?

Я много думал: почему ты иногда становишься принципиальным аутсайдером, как бы посторонним? И вот к какому выводу пришел: это происходит потому, что ты не видишь результата того дела, каким заняты другие и в котором было бы логично участвовать и тебе. Но ты осуждаешь и осмеиваешь «массовый энтузиазм на пустом месте» и готов презирать (да, дело доходит и до презрения!) слишком «правильных» сверстников в тех случаях, когда они, по твоему мнению, с готовностью подчиняются требованиям взрослых, которые тебе кажутся бессмысленными.

Бессмысленными — это твое определение и слово твое.

Ты прав: самое ужасное — деятельность ради деятельности. В этом я с тобой согласен. Но ты уверен, что с легкостью можешь определить смысл и бессмыслицу в любом деле, будь то лыжный поход, собрание или митинг. Словом, мероприятие.

А вот тут, мне кажется, начинаются твои трудности. Ты раздраженно требуешь очевидного результата. И немедленного. Только в этом случае ты готов участвовать. И ты абсолютно уверен, что очевидный результат — это видимый. Видимое изменение. Тебе желательно, чтобы оно наступило вслед за первыми же усилиями. Без проволочек. Сразу.

Это в тебе говорит Великое Нетерпение.

Ты не обидишься, если я скажу, что оно возрастное?

Нет, я не собираюсь уверять тебя, что это непременно пройдет. Наоборот, я не хочу, чтобы ты смирился! Я хочу, чтобы ты разобрался в том, какой ты.

Это будет таким усилием, результат которого — ты сам, твоя личность.

Впрочем, я не стал бы тратить слов, если бы речь шла, допустим, о кроссе или об участии в самодеятельности. Каждый вправе видеть или не видеть смысл в такого рода массовых занятиях и самостоятельно решать, участвовать в них или нет. Но «Ровесник» предложил мне тему политического участия молодого человека в жизни.

Это совсем другое дело, чем кружок или туристский поход.

Я подумал: твое нетерпение здесь может тебя подвести, тебе может понадобиться совет. Пусть на этот раз — мой.

Корреспондент «Ровесника» процитировал мне выска-

зывание одного школьника, который считает, что никому не нужны массовые антивоенные демонстрации, потому что все равно судьбу мира решают политики и военные.

Корреспондент передал мне эти слова, и я, что говорится, завелся.

Мне неважно, что собой представляет этот школьник, из какой он страны. Хотя я могу предположить, из какой он семьи и насколько обеспечено его будущее «большого политика». Но он мне неинтересен.

Мне интересен ты, и разговор с тобой мне важен.

Потому что ты еще не сказал чего-то подобного, но нетерпение может тебя сильно подвести, а я не хочу, чтобы ты проиграл в самом начале. Я представляю, что ты говоришь эти слова. Несправедливые слова...

Высказывание школьника было сделано до переговоров в Женеве. И можно ли считать, что события в Женеве подтвердили его? Ведь там состоялась встреча в верхах, судьбы мира обсуждали политики.

На самом деле Женева опровергает мнение о бессмысленности массовых политических действий. Но то, что Женева опровергает, а не подтверждает мнение неизвестного и, признаюсь, несимпатичного лично мне молодого человека,— это надо понять. Как надо понять, что резкое обострение международной обстановки в результате продолжения ядерных испытаний в Неваде и бандитских акций американского империализма против Ливии не зачеркивает значения Женевы, но лишний раз демонстрирует отчаянное сопротивление реакционных сил духу разрядки.

Это надо захотеть понять. Потому что то, что очевидно для человека моего возраста и опыта, может быть неубедительно для тебя: нетерпение, которым не грешит, а славится твой возраст, сопровождается отсутствием опыта и часто... знаний. И это нормально — не все сразу.

Ненормально другое — когда человек, как бы молод он ни был, приходит к тому или иному выводу не в результате собственных раздумий, накопления знаний, а потому, что услышал его от приятеля и с готовностью с ним согласился. Так быстрее и проще — согласиться с тем, что «все говорят», и самоустраниться от очень важного дела, не разобравшись в его важности, зато запасясь оправданием своей позиции аутсайдера.

А когда человек самоустраняется от полезного дела и, более того, пытается доказать, что он прав, то его ошибка становится позицией, которую исправить гораздо труднее.

Я сказал: «позицией», и не оговорился. Ведь уйти в сторону — это тоже значит сделать выбор. И, еще не начав действовать, уже сделать шаг.

Нетерпение — это яростное желание действовать при отсутствии опыта. Яростное желание действовать более всего характерно для тебя, молодого человека. Уверен, что ты многое бы отдал, чтобы тебе представилось «действительно нужное дело». Твое бездействие. Твои сомнения. Твои насмешки над «энтузиастами» — все это не что иное, как мечта о настоящей деятельности.

А ты ожидал, что я назову в качестве причины твоего бездействия апатию и разочарование в жизни? Нет, не назову, потому что я убежден: человек в твоем возрасте по природе не может быть апатичным. Все дело в том, что ты, мечтая о настоящем деле, еще не стал солдатом.

Но ты можешь им стать. Ты можешь вырасти в солдата дела. Можешь. Но это не происходит само собой. Нужны усилия. И знания. И умение из знания делать верные выводы.

Со всем уважением относясь к сомнению — ничто другое не приводит человека к правильному выбору,— я желаю тебе, чтобы время сомнений для тебя скорее сменилось другим. И я хочу, чтобы ты не только понял полезность политической деятельности каждого человека, но сделал бы политическую, социальную деятельность целью своей жизни.

Кем бы ты ни стал в жизни, это всегда должно быть твоим делом.

Другими словами, у тебя есть шанс играть нападающим в команде нападающих.

Главный результат женевской встречи на высшем уровне — это то, что она открывает возможность для достижения разрядки. То есть речь может идти лишь о длительном процессе: о возможности улучшения международной обстановки, которая будет реализована в результате многих и долгих усилий. В том числе и твоих, и миллионов таких, как ты. Сама встреча явилась результатом совместных массовых усилий сторонников мира во всем мире. Это очевидный факт. К Женеве привел целый поток действий. Наша федерация, например, тоже сделала очень многое для того, чтобы Женева-85 состоялась. При этом, разумеется, мы не приписываем успех дела исключительно действиям федерации. Однако у нас не возникало сомнений относительно реальности нашей задачи, необходимости засучив рукава браться за нее. Предпринимая различные акции, о которых ты, наверное, слышал, мы не считали, что они станут решающими, но в успехе есть доля усилий ВФДМ.

М. С. ГОРБАЧЕВ: «Глубокое проникновение в диалектику происходящего, его объективную логику, умение делать правильные выводы, отражающие движение времени,— дело непростое, но настоятельно необходимое».

Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза

Мы выступали за мир и в гораздо более тяжелые времена, когда антивоенное движение не было таким сильным, а угроза войны нарастала. В 1978 году ВФДМ организовала международную конференцию, которая призвала администрацию тогдашнего президента США — Картера — прекратить разработку нейтронной бомбы. Работа над этой чудовищной бомбой шла полным ходом, и она была прекращена — в результате массовых действий против нейтронной бомбы миллионов и миллионов, в которые влился и призыв нашей конференции. Лично для меня это достаточно убедительный пример результативности массовых действий, в которых ни один голос не лишний.

Все сорок лет существования ВФДМ в ее рядах действовали люди, которые тратили много сил и времени на демонстрации, обладали терпением и стойкостью истинных солдат нашего движения.

Терпение — это нормальная вещь, когда человек знает, ради чего оно. Сорок лет для истории не так много, но именно сегодня мы можем определенно назвать результаты усилий всех сторонников мира. Антивоенное движение приобрело небывалый размах. Мы, представители молодежи в этом движении, стали экспертами в этих вопросах. Мы проводим Марши мира по Европе, которые не были бы возможны десять или пятнадцать лет назад. Сейчас мы начали почтовую кампанию против «звездных войн» и распространяем открытки с текстом: «Звездные войны» угрожают моей жизни!» Кампания не будет бесконечной, и было бы странно ждать от нее немедленного результата. Но мы проводим эту кампанию с уверенностью, что она необходима, что в нее нужно вовлекать всех, кому дорог мир. XII фестиваль в Москве показал, что сегодня необходимо объединение сил, различных по политическим взглядам, но объединенных неприятием военной идеи и искренним подходом к делу борьбы за мир.

Искренний подход к борьбе за мир предполагает настойчивость, уверенность и терпение. Лишь пассивные потребители ждут перемен назавтра... Школьник, с высказываний которого начался мой разговор с корреспондентом «Ровесника», согласен поучаствовать в судьбах мира, если ему обеспечат комфорт. Он мечтает об именных достижениях в политике. А между тем наша федерация, которую называют уникальным оружием молодежи в борьбе за мир, за свои права, за прогресс, состоит из миллионов безымянных тружеников. Наградой им не почести и слава, а мир. Вот уже более сорока лет — мир. Может ли быть выше?!

Борьба за мир как раз такое дело, которое требует настойчивого терпения, потому что мир поворачивается очень медленно. Без прочного мира нельзя говорить о правах, а свои права каждое поколение утверждает в борь-

бе. У нас в Венгрии это понимают большинство молодых людей. Действует множество клубов мира, каждый со своей собственной программой, которую никто из взрослых не пытается улучшить, к примеру, только потому, что она по форме (не по существу!) выглядит на их, взрослый, взгляд неправильно. Ты тоже не любишь давления. Не любишь, когда на тебя пытаются «влиять». Ты сам способен и готов влиять на мир.

Ты — из команды нападающих.

Время взрослости придет к тебе или... не придет, и тогда ты просто состаришься. Состаришься без взросления, если ты не будешь в твоей сегодняшней жизни играть в команде нападающих. Атака, нападение — свойство твое, но реализуешь ли ты его в действии? Или станешь медлить?

Взрослые рассказывают тебе, как им было трудно когда-то. Постарайся понять, зачем они тебе это рассказывают. Вовсе не для того, чтобы ты сильнее ценил свое безмятежное существование. Безмятежной молодости не должно быть. Лучшие из взрослых рассказывают тебе о прошлых трудностях, чтобы ты понял, что тебе будет еще труднее. Тебе и сейчас ничуть не легче. Так сложно найти свое место. Сложны ситуации в семье. Сложны международные ситуации. Наши надежды создать совершенное общество — то, что ты учишь в школе! — этим придется заниматься тебе.

Очень трудно будет найти свое место в максимальном соответствии с тем, что ты учишь в школе. В соответствии с принципами, которые ты сегодня, возможно, усваиваешь как обычный школьный урок. Но урок не диктант, а осмысленное действие. И я призываю тебя к действию. С чего же начать?

Тебе предстоит понять, а не заучить, что общество социализма самое справедливое. И не потерять этого убеждения в дальнейшем. Утеряв его, ты обязательно станешь обманывать самого себя пустым и бессмысленным времяпрепровождением, чем бы ты ни занимался в жизни. Далее. Относясь с полным уважением к предыдущему поколению, ты должен понимать, что не все взгляды и понятия переживают свое время. Некоторые надо опровергнуть. Это тоже твое дело и больше никого. В силу свойств твоего возраста. И в силу требований жизни. Ты не только обязан и можешь, ты должен быть нападающим. Иначе следующему за тобой поколению придется столкнуться не с устаревшими взглядами и представлениями, что совершенно нормально, а с косностью. Что страшно.

Помни: ты динамичен, энергичен и молод точно так же, как общество, в котором ты живешь. Поэтому тебе легче понять момент.

Наши ошибки и наши неудачи, даже самые крупные, никогда не смогут заставить нас отступить или превратиться в пессимистов. Быть последовательными нам поможет убеждение в том, что наша цель справедлива, но это убеждение — дело каждого, его личное дело. Убеждение можно понять, когда речь идет о другой личности. Его можно принять, когда речь идет об общем деле, весьма конкретном. Но его приходится вырабатывать самому, если речь идет о твоей личности. При этом для каждого человека найдется масса факторов, которые будут мешать ему в выработке его убеждений. Терпеливо разобраться в них, преодолеть, сохранить убежденность — твоя ответственная задача. Потому что, если потерять убеждение в том, что ты ответствен, жизнь становится невыносима.

Не трудна или скучна. Невыносима. Честное слово.

Сам я верю, что каждый, даже «маленький» человек имеет влияние на мир. Я утверждаю это, опираясь на опыт, и не только свой.

В прошлом году я встретился с группой ветеранов нашей федерации. Мы сами пригласили их. Я увидел, что эти люди не только сохранили свои политические убеждения, но и всю жизнь продолжают работать, бороться, отстаивать эти убеждения. Они не упустили свой шанс. Они всю жизнь оставались рядовыми, солдатами дела. Это они мне сказали, что сегодняшняя молодежь имеет в руках уникальное оружие борьбы за мир, за прогресс. Это ВФДМ, наша федерация. Федерация демократической молодежи.

Уникальное оружие в руках человека — молодость. Время атаки за жизнь.

К ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

— Ваша судьба вдохновила Михаила Шолохова на написание «Судьбы человека»,— обратился я к генералу.

— Вы не первый, кто именно так начинает разговор со мной,— сказал Герой Советского Союза генерал Дольников.— Действительно, в плену я значился под фамилией Соколов. Но сам я с Михаилом Александровичем Шолоховым никогда не встречался. Не думаю, что именно я стал прототипом Андрея Соколова. Он в рассказе фронтовой шофер, я был летчиком. А вообще военные судьбы у многих людей схожи. Один только эпизод, пожалуй, совпадает в моей судьбе с судьбой шолоховского героя...

Деревенский парнишка с чемоданом в руке — таким был будущий генерал и герой войны в самом начале самостоятельной жизни. Жили Дольниковы бедно. Вся деревня Сахаровка, затерянная в белорусских лесах, жила бедно. Но доказательством тому, как тянулись люди к новой жизни, к культуре, знаниям, может служить такой факт: деревенский парнишка Гриша Дольников решил стать киномехаником, овладеть профессией по тем временам, можно сказать, выдающейся. Однако судьба повернула так, что в городе он поступил в ФЗУ при депо и «заболел», как и сотни мальчишек, авиацией.

В те годы летчик в кожаном шлеме был самым популярным человеком. Летать — об этом мечтали школьники, фэзэушники, студенты. Портреты летчиков, героев сражений в Испании и на Халхин-Голе, вырезанные из иллюстрированных журналов, украшали комнаты в общежитиях. Это было прекрасное время, которое осталось в памяти замечательными свершениями и замечательными песнями. Например: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Наступил тысяча девятьсот сороковой год. За отличные полеты лучший бригадир цеха и курсант аэроклуба Григорий Дольников был отмечен подарком, который не мог ему и присниться,— форменной гимнастеркой летчика!

Кстати, его инструктором была девушка, Анна Чекунова. Она много занималась с молодым курсантом. Главное — приземление. А Гриша при посадке смотрел бог знает куда — на шасси, за горизонт... «Не переключался» вовремя на землю. Он долго тренировался, отрабатывая «глубинный скользящий взгляд».

В марте сорокового Дольников едет в летное училище, чтобы стать военным летчиком. Небо не только захватило его — оно уже никогда его не отпустит, и он ему будет верен всю жизнь и даже сквозь страдания плена пронесет мечту о возвращении в небо.

В летном училище паренек из деревни Сахаровки прошел и солдатскую школу: научился правильно наматывать портянки, научился выносить долгие переходы и маршброски, освоил летную грамоту. Он рвался к знаниям, вперед, он рвался сделать сказку былью...

В начале сорок первого курсанты приступили к изучению полетов на учебно-тренировочном самолете Ут-2, затем на боевой машине И-16. 22 июня Григорий Дольников, старший группы, увольняемой на воскресенье в город, проснулся с радостным ощущением молодости, с предчувствием счастья. И вдруг — война! А на следующий день над их аэродромом пролетел «юнкерс». На фюзеляже можно было рассмотреть фашистские кресты.

Дольников был направлен из летной школы в строевую часть в январе 43-го с характеристикой: «...целесообразно использовать в истребительной авиации РККА. Достоин присвоения воинского звания сержант». А весной он уже на фронте. Он попал в распоряжение 4-го воздушного полка 9-й гвардейской истребительной дивизии, где воевали прославившиеся в небе Кубани летчики: А. И. Покрышкин, братья Д. Б. и Б. Б. Глинки, Г. А. Речкалов, В. И. Фадеев, Н. Е. Лавицкий, И. И. Бабак, В. Г. Семенишин. Тогда еще не

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Карел КРТИЧКА,
чехословацкий журналист

знал Дольников, что ему выпадет прикрыть в воздушном бою самого Лавицкого. Это случилось 31 августа сорок третьего. Товарища выручил, а самого подбили. Задыхаясь в едком дыму, молодой пилот выпрыгнул из горящей машины, в воздухе машинально дернул кольцо парашюта, при приземлении вывихнул руку. Его нашли пехотинцы и отправили в медсанбат, откуда он наутро сбежал... Вернувшись в свою часть, он узнает, что спасенный им Лавицкий сказал однополчанам: «Гриша Дольников был не только смелым летчиком. Он был преданным другом...»

А он не «был», он живой! Они оба живы, они еще повоюют!..

«Ни одна фашистская бомба не должна упасть на наших солдат. Сражаться до последнего патрона, таранить, если надо! Враг не пройдет!» — так звучал приказ командира эскадрильи старшего лейтенанта Лавицкого, Героя Советского Союза. Человек, отдавший такой приказ, первым взлетал во главе своей эскадрильи. Прикрывал его «Горячий». «Горячий» — боевая кличка Григория Дольникова. 30 сентября 1943 года он в 56-й раз отправился на боевое задание. Черные точки увидел первым. Шестнадцать гитлеровских «юнкерсов» против шести истребителей.

— Что-то было не так,— вспоминает генерал.— «Юнкерсов» всегда сопровождали «мессершмитты», а сейчас их не было. Мы пошли в бой всей шестеркой. Стрелки на «юнкерсах» не выдержали первыми, дали залп, хотя мы были еще далеко. Мы мчались на них, и нервы у фашистских летчиков сдали. Несколько «юнкерсов» развернулись и полетели назад, три из тех, что остались, пошли к земле. И вот тут появились «мессеры». Слышу в наушниках, как кто-то из наших кричит: «Женя горит!» Мой друг, Женя Денисов... С расстояния 200 метров я попал в головную машину следующей тройки «юнкерсов», она задымилась, но держалась. Я за ней, и тогда «юнкерс» медленно развернулся на запад. Снять гада, любой ценой! Протаранить! Если повезет, могло кончиться хорошо. Зайти сзади и пропеллером отрезать стабилизатор...

«Горячий», горишь!» — услышал он голос Лавицкого. Машина дернулась, наклонилась носом к земле и стала падать.

— Скорее всего я выпал или меня вырвало воздушным вихрем,— продолжает генерал.— Но я обрадовался, увидев над собой купол парашюта. Правда, только на мгновение. Прямо напротив появился «мессер» и дал очередь. К счастью, промазал. Я упал, парашют накрыл меня, и ни за что на свете мне не хотелось вставать.

Очнулся он от ударов.

— Я хотел вытереть пот, стекающий со лба, но это оказалась кровь...

Раненного, избитого, его приволокли в гестапо, которое разместилось в деревенской хате.

— Я увидел накрытый стол, за которым сидели два гестаповца. Окна были открыты, и за ними толпились согнан-

ные силой местные жители. Женщины причитали. Гестаповец крикнул в окно, смотрите, мол, на вашего большевика, какой он оборванный, без оружия. Он думал, что мой вид вызовет презрение у людей, но ошибся. Мальчишка возле окна одними губами спросил, когда же наши придут. «Скоро придут»,— сказал я, не глядя нарочно в окно, а сам понимаю, что сейчас меня попытаются унизить на глазах близких мне, хотя и незнакомых советских людей. И я приготовился к самому худшему. И тут, почти как в рассказе Шолохова описано, гестаповец встал передо мной со стаканом, полным водки. Это было для меня неожиданно, но я сразу понял, чего они хотят: чтобы я в безобразном виде предстал перед людьми. Я же истощенный, голодный. Но такая во мне поднялась злость и ненависть, что я схватил тот стакан и залпом его выпил, и хлеба от них не взял, и продолжал стоять: не чудом, а ненавистью я удержался. Потому что вобще-то я непьющий. И тут какая-то бабка протягивает в окно мне помидор. «Закуси,— говорит,— сынок. И умирать легче будет. Возьми».

Наверное, я раз только рассказал об этом случае знакомым на Дону, к слову пришлось. Может, кто и пересказал его Шолохову...

Дальнейшая судьба Григория Дольникова — Соколова отличается от судьбы шолоховского Андрея Соколова. Хотя и похожа на приключенческий фильм: безоружные, голодные, оборванные люди в лютый мороз бегут из плена. За ними по пятам преследователи с овчарками. Беглецы расходятся. На этот раз Дольникова спасает махорка. Он разбрасывает черный с едким запахом табак, и собаки теряют след. По счастливой случайности через несколько дней удается установить связь с бойцами Сопротивления. Подпольщики укрывают Дольникова в заброшенном домике путевого обходчика. К великой радости, он встречается с товарищем по побегу Михаилом Смертиным. Еще месяц, и отряд из двух бойцов «За Родину» присоединяется к наступающим частям Советской Армии.

Теперь у Григория Дольникова одно желание — вернуться в свой полк. 20 апреля 1944 года он наконец попадает в свою часть.

Летчик Дольников с радостью констатирует, что не разучился летать. Его самолет украсили три десятка звездочек, по числу сбитых неприятельских самолетов...

«Восьмого мая мы перебрались на новый аэродром в Гроссенхайме,— вспоминал генерал.— Мы прошли по капитулировавшему Берлину, расписались на стене рейхстага. В ту ночь после прилета мы долго не спали. Только задремали к утру, как проснулись от яростной пальбы — пулеметной, автоматной, ружейной. Хватаюсь за пистолет, впопыхах натягиваю сапоги. Нападение на аэродром, думаю. Выбегаю и вижу Глинку, Петрова, Лукьянова, стреляющих в воздух.

«Победа, Гриша!» — кричат они мне. Теперь и я стал палить в небо. А утром... нас разбудили не особенно нежно. Новый приказ. Командир дивизии Александр Покрышкин ознакомил с ситуацией: Германия капитулировала, но на территории Чехословакии бои продолжаются. Герои-патриоты подняли восстание в ряде городов, в Праге. Советское командование направило туда мощные танковые соединения. Наша задача — прикрывать Прагу с воздуха. Первую группу вел Глинка, в ней был и я. Нам надо было не допустить бомбардировки Праги нацистами и прикрывать продвижение наших танковых колонн. Лету до Праги минут двадцать. Странное чувство — бой после Победы. Над Крушными горами была облачность, сквозь облака мы видели колонны танков, мчавшихся к Праге. Потом показалась Влтава, важный ориентир в пражском направлении. И вот мы видим Злату Прагу — большой прекрасный город. В воздухе спокойно. Аэродром, а на нем множество нацистских самолетов всех видов. Почти автоматически я прицелился, приготовился к атаке, но тут же понял, что эти машины уже не взлетят. Возвратился на аэродром вечером девятого числа. Был уже настоящий мир».

Перевела с чешского Т. ОСАДЧЕНКО

Неимоверно разбухает на гонке вооружений милитаризм, стремящийся шаг за шагом овладеть и политическими рычагами власти. Он становится наиболее уродливым и опасным чудовищем XX века, его усилиями самая передовая научно-техническая мысль переплавляется в оружие массового уничтожения.

Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза

В адрес юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН была направлена петиция 1700 американских ученых, в том числе 15 лауреатов Нобелевской премии, которые публично осудили перенесение гонки вооружений в космос и отказывались от участия в исследованиях по созданию космического оружия. Подписи молодого ученого Питера Хагелстайна (о нем рассказывается в публикуемом ниже очерке американского журналиста) под петицией не было, хотя он также не верит в спасительную миссию ядерного оружия для сохранения мира. Но вопреки своим убеждениям он усердно работает над его созданием. Почему?

Сам Хагелстайн в беседе с корреспондентом признал, что причина тому снедающее его тщеславие. Невероятно, но такова действительность капиталистического мира, исповедующего индивидуализм: если на одной чаше весов оказывается судьба человечества, а на другой — эгоистический интерес, то человек, воспитанный по законам этого мира, совершает выбор, руководствуясь своим эгоизмом, и без стеснения признается в этом. Ведь и несостоявшаяся мечта создать лазерное устройство для борьбы против рака продиктована не заботой об устранении человеческой беды, а стремлением получить Нобелевскую премию.

Приручение Хагелстайна «ястребами» проходило не только при помощи кнута: вокруг его имени создали ореол гениальности, что не могло не льстить начинающему ученому с большими амбициями; даже мотивы, оправдывающие его выбор, придумали за него другие. Небольшая на первый взгляд трещинка в личности позволила использовать его так, как было нужно его работодателям. Он оказался подходящей личностью: воспитанного по законам капиталистического общества, его и используют по этим же законам. В результате молодой ученый оказался в одной упряжке с такими человеконенавистниками, как Эдвард Теллер, создатель водородной бомбы, ярый антикоммунист и поборник программы «звездных войн». История Питера Хагелстайна, предавшего все то светлое, что было в нем самом и вокруг него, предавшего любовь и любимую, лишний раз иллюстрирует, как «свободный мир» коверкает личность, подчиняя ее выдающиеся способности своим зловещим интересам.

В Пентагоне их называют по-разному — эту элитарную группу ученых и инженеров, корпящих над секретными военными проектами. А в национальной лаборатории имени Эрнста Лоуренса в Ливерморе, в сорока пяти милях к востоку от Сан-Франциско, где разрабатывается ядерное оружие и прочая военная технология, они известны как «Группа О» или «Группа Лоуэлла» (по имени Лоуэлла Вуда, ее основателя). «Эксцентричны, но чрезвычайно умны»,— отзывается о них высокопоставленный чиновник из дирекции Ливермора. А для критически настроенного сотрудника лаборатории, осуждающего создание новых видов оружия, они «сборище всезнаек, помешанных на науке, но совершенно не ориентирующихся в действительности».

ИСТОРИЯ О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ МУЗЫКИ И ЛЮБВИ

ИЛИ О ТОМ, КАК МОЛОДОЙ АМЕРИКАНСКИЙ УЧЕНЫЙ ПИТЕР ХАГЕЛСТАЙН, МЕЧТАВШИЙ СОЗДАТЬ ЛАЗЕР ДЛЯ БОРЬБЫ ПРОТИВ РАКА, ВМЕСТО ЭТОГО В СЕКРЕТНОЙ НАУЧНОЙ ЛАБОРАТОРИИ РАЗРАБАТЫВАЕТ НОВЫЙ ТИП СМЕРТОНОСНОГО ОРУЖИЯ ДЛЯ «ЗВЕЗДНЫХ ВОЙН».

Уильям БРОУД,
американский журналист

Отправляясь в Ливермор, я хотел составить собственное мнение о «Группе О», об этих молодых (в основном моложе тридцати лет) ученых, оказавшихся на переднем крае пентагоновской программы «звездных войн». Лазер рентгеновского излучения с ядерной накачкой Хагелстайна — наиболее выдающееся достижение группы. Его смертоносные лучи, распространяющиеся со скоростью света, предназначены для уничтожения ракет.

Две дюжины работающих в Ливерморе «рыцарей звездных войн» оказались совсем не похожими на мрачных отшельников: они питают пристрастие к сокам и мороженому, а также к «черному» юмору и всевозможным розыгрышам. Им нравится, например, на манер рекламных проспектов называть бомбу из Ливермора «лучшим подарком по почте». Рассказывают, что однажды кто-то из них подложил семикилограммовый брикет свинца в портфель Лоуэлла Вуда и тот, ничего не подозревая, несколько месяцев таскал его за собой по всей стране, пока ему наконец не признались в проделке.

Большинство членов «Группы Лоуэлла» горды тем, что делают. «Мы создаем оружие, несущее жизнь, оружие, которое спасает людей от ракет, несущих смерть»[1],— заявляет Лэрри Уэст.

В устах Уэста и его коллег имя Хагелстайна уже притча во языцех. Дело в том, что в отличие от них Хагелстайн увлекается музыкой и литературой, размышляет над противоречиями жизни, и вовсе не потому, что хочет отвлечься от научных абстракций,— его это волнует само по себе. В колледже он бегал марафонскую дистанцию, входил в команду пловцов. На первом курсе Массачусетского технологического института играл на скрипке в струнном квартете. Он любит французскую литературу, которую читает в подлинниках.

Для коллег он чудак и гений, весь в себе, отстраненный, похожий на героев Достоевского. Говорят, когда от него ушла любимая девушка — ей не нравилось, что он работает над ядерным оружием,— он ставил на проигрыватель исключительно реквиемы Брамса, Верди, Моцарта. «Его кабинет напоминал похоронное бюро»,— вспоминает Лоуэлл Вуд.

«У него почти всегда бессонница, но в особенности во время важных экспериментов,— говорит его близкий друг и коллега.— Он работает как оглашенный, а затем не может уснуть и наутро похож на выброшенную на берег рыбу».

Мне объяснили, что Хагелстайн никогда не стремился работать в военной области. Он мечтал получить Нобелевскую премию за создание первого в мире лабораторного рентгеновского лазера для нужд биологии и медицины. Идея, с которой он прибыл в Ливермор, состояла в том, что, уменьшив длину волн рентгеновского излучения, скажем, в сто раз, можно было бы получить голографическое изображение самых мельчайших молекул человеческого тела и тем самым открыть путь к постижению тайны рака. Но обстоятельства вынудили его заниматься совершенно иными исследованиями. Все кончилось тем, что он разработал не медицинское, а военное лазерное устройство.

---

[1] *То же утверждает вашингтонская администрация, пытаясь скрыть агрессивный характер перенесения гонки вооружений в космос.— Здесь и далее прим. ред.*

В течение нескольких дней я надеялся увидеть Хагелстайна в одном из мест, которые он посещал чаще прочих, но безуспешно. Поэтому некоторое время мне пришлось довольствоваться беседами с его коллегами. Я почерпнул немало любопытных сведений о самой лаборатории — научном ядерном центре с восемью тысячами сотрудников, основанном в пятидесятых годах при непосредственном участии Эдварда Теллера[2]. Расположенная в засушливой калифорнийской долине среди пологих холмов, в стороне от больших дорог, лаборатория — огромный чужеродный кусок железобетона, стекла и асфальта, несколько сот современных построек, окруженных колючей проволокой и постами вооруженной охраны.

На четвертый день моего пребывания в Ливерморе Хагелстайн наконец появился в дверях небольшой библиотеки, которая уже стала моим «кабинетом».

Он оказался выше ростом и вовсе не таким худющим и аскетичным, каким его рисовало мое воображение. Но действительно, он был бледен, манеры сдержанны. Его застенчивость бросалась в глаза. Он начал с извинений: у него правда не было времени встретиться со мной раньше.

Итак, Питер Хагелстайн вырос в Лос-Анджелесе. С детских лет увлекался математикой, чему способствовал отец — инженер по профессии. В школьные годы научился играть на скрипке и виоле. «Я обнаружил,— вспоминает Хагелстайн,— что интересные композиции слишком сложны для меня, а те, которые я мог исполнить, чересчур скучны. Поэтому я стал сочинять сам. Впервые я попробовал в 1971 году и сочиняю с тех пор».

В 1972 году, с отличием закончив среднюю школу, Хагелстайн поступил в Массачусетский технологический институт на физико-математическое отделение. Он учился сразу на двух факультетах и через два года получил два диплома: инженера-электрика и специалиста по компьютерной технике. В том же году его приняли в аспирантуру.

Не имея времени на специальную подготовку, он все-таки принял участие в конкурсе на получение стипендии. Председатель жюри, которым оказался Лоуэлл Вуд, не только рекомендовал Хагелстайна в стипендиаты, но и предложил ему место в Ливерморе со следующего лета (это был 1975 год). Объяснил ли ему Вуд, чем именно занимается лаборатория? «Он сказал,— вспоминает Хагелстайн,— что во многих отношениях она ничем не отличается от других научных лабораторий. Он пояснил, что они работают над лазерами и рентгеновским излучением. Я в этом ничего не смыслил, но там также готовили сложнейшие программы для компьютеров».

Так в возрасте двадцати лет Хагелстайн оказался у ворот лаборатории «Лоуренс Ливермор». «Лаборатория произвела сильное впечатление,— говорит Хагелстайн,— в особенности охранники и колючая проволока. Когда я попал в отдел кадров, тут только до меня дошло, что они занимаются оружием. Я хотел сразу же уехать, поскольку у меня не было ни малейшего желания ввязываться в военные исследования. Однако я решил повременить, потому что встретил здесь очень приятных людей и из любопытства решил остаться».

В 1976 году, закончив аспирантуру и имея дипломы бакалавра и магистра наук, Хагелстайн стал штатным сотрудником Ливермора. Он продолжал работу над докторской диссертацией, по-прежнему мечтая создать первый в мире лабораторный лазер рентгеновского излучения для биомедицинских исследований. Хагелстайн рассчитывал использовать для этого новейшие дорогостоящие лазеры Ливермора, способные испускать пучки колоссальной энергии. Но все они были в распоряжении специальной научной группы, самостоятельно работать на ценном оборудовании застенчивому магистру настрого запретили.

Ему оставалось довольствоваться изучением теории квантовой физики, разработкой своих идей на бумаге и вычислениями на компьютерах. Он работал ночи напролет и очень скоро в совершенстве овладел новым делом. Используя терминал компьютера, Хагелстайн имитировал эксперименты, которые ему не давали осуществить на практике.

Но Хагелстайн был не единственным в Ливерморе, кто мечтал о рентгеновском лазере. Помимо таких проблем, как использование ядерных взрывов для рытья траншей, уничтожения астероидов, энтузиасты ядерной физики искали способы применения сверхэнергии в различных экзотических видах оружия, включая рентгеновский лазер.

В 1977 году сотрудник Ливермора Джордж Чэплайн выдвинул новаторскую (до сих пор строго засекреченную) идею, открывающую возможность создания рентгеновского лазера с ядерной накачкой. По странному совпадению в том же году на экраны вышел фильм «Звездные войны».

Подземный испытательный взрыв для проверки идеи Чэплайна был проведен в следующем году на полигоне в штате Невада. Взрывное устройство сработало, однако система детекторов и датчиков, фиксировавших рентгеновское излучение, вышла из строя. Тогда так и не удалось узнать, осуществима ли идея Чэплайна.

Шли месяцы, готовилось повторное испытание. На протяжении всего 1979 года Чэплайн и руководство лаборатории регулярно собирали сотрудников для обмена мнениями по ходу подготовки эксперимента. На некоторых встречах присутствовали Вуд и Хагелстайн. Мнение Хагелстайна особенно ценилось: не имея доступа к практическим исследованиям, уже несколько лет он занимался только теорией рентгеновских лазеров и разбирался в них лучше, чем кто-либо. Первым естественным порывом Хагелстайна было отказаться помогать Чэплайну. Он ненавидел оружие. И тем более ему претило собственное участие в создании ядерного оружия в какой бы то ни было форме. В этом его горячо поддерживала девушка, с которой он в то время встречался, Джозефина Штейн.

Они познакомились еще в Массачусетском технологическом институте, где играли в одном оркестре. Она училась на инженерно-механическом факультете и с одинаковым пылом рассуждала о поэзии сопротивления материалов и о грусти музыки Шуберта. Он был одним из лучших студентов, увлеченный наукой, музыкой, спортом.

Два года они не виделись, но летом 1978 года Джозефина переехала из Кембриджа[3] в Беркли продолжить образование в Калифорнийском университете. Както раз в университетской библиотеке она столкнулась с Хагелстайном. С тех пор они были неразлучны.

Когда мисс Штейн узнала, чем занимается его лаборатория, она со всей страстью стала убеждать Хагелстайна, что бомбы были и остаются бомбами, что они всегда будут оружием смерти и разрушения. Она настаивала, чтобы он ушел из лаборатории. Она даже организовала антивоенную демонстрацию у ворот Ливермора.

Хагелстайн разделял ее взгляды, но не мог и отказаться от огромных возможностей, которые предоставляла работа в лаборатории. И вот однажды, как ему кажется, по чистой случайности он вдруг оказался на роковом пути. Это произошло во время одной из встреч, проводимых Чэплайном летом 1979 года. Хагелстайн обронил несколько фраз (каких именно, до сих пор остается секретом), которые круто изменили направление всей национальной программы создания ядерного рентгеновского лазера.

Накануне, как обычно, он проработал всю ночь и утром, изнуренный, сидел на собрании и видел себя как бы со стороны, словно в перевернутую подзорную трубу. Помимо собственной воли, механически отвечая на вопрос, он сказал нечто такое, чего прежде не говорил никто, нечто принципиально новое в неизведанной области ядерных лазеров.

«Сразу после этого,— продолжает свой рассказ Хагелстайн,— меня заставили заняться детальными расчетами. Я противился как мог, но вы представить себе не можете, какое давление на меня оказали». Ему приказали сесть за терминал компьютера и день за днем, используя накоп-

---

[2] *Ученый-атомщик, не раз высказывавший человеконенавистнические идеи и выступавший с милитаристскими планами.*

[3] *Где находится один из старейших университетов США.*

ленный ранее опыт, рассчитывать, что произойдет с теми или иными материалами под воздействием ядерного взрыва. Он чувствовал, что не должен этого делать. Хагелстайн уже добился определенного прогресса в работе над медицинским лазером. Он потребовал дать ему возможность завершить докторскую диссертацию. Неужели все эти свихнувшиеся на бомбах люди не видят, что он занят?

Но, несмотря на уговоры Джозефины Штейн, его собственные протесты, Хагелстайн все-таки продолжал сидеть над расчетами военного рентгеновского лазера. Почему? Коллеги Хагелстайна объяснили мне, что его работу над лазерным оружием стимулировала настроенность против русских. Сам же Хагелстайн высмеял такое объяснение, сказав, что и прежде достаточно знал о России, прочитав немало книг русских писателей, и еще в колледже интересовался историей этой страны.

В разговоре со мной он привел другую причину. Хагелстайн сделал упор на свое честолюбие, ему во что бы то ни стало хотелось создать свой рентгеновский лазер. Но все шансы стать первым в то время были у Чэплайна. «Для вчерашнего студента,— говорит Вуд,— это ситуация типа «все или ничего»... В подобном соревновании нет почетного второго места. И если кто первым добивается успеха, то остальным ничего не остается, как начать все сначала».

Вторая причина — установившиеся дружеские связи с коллегами. В случае его отказа выполнять порученную работу он оказался бы в изоляции. Сначала его заставили бы почувствовать себя неуютно, а затем принудили уйти. Все это означало потерю друзей, дома и одного из немногих мест в мире, где способны по достоинству оценить его талант.

Молодые ученые в «Группе О» очень сдружились между собой. Они изобретательны и остроумны. Находиться в их обществе истинное удовольствие.

Особенность их взаимоотношений сказывается даже в языке, на котором они общаются. Секретность работы породила зашифрованные, только им понятные шутки. Молодые ученые совершенно изолированы от внешнего мира. Конечно, они могут вежливо побеседовать с любым посетителем. Однако в их жизни так много связано с секретными проектами, что свободно разговаривают они только с теми, кто прошел тщательную проверку на благонадежность. Это что-то вроде концлагеря.

Так случилось, что Хагелстайн теперь занимался только расчетами нового вида оружия. Руководство лаборатории включило проверку идеи Хагелстайна в программу готовившихся подземных испытаний по проекту Чэплайна.

Именно в это время отношения между Хагелстайном и его девушкой начали разваливаться. «Я во всем соглашался с ней,— вспоминает Хагелстайн с горечью,— ей этого было мало, она считала, что убеждения не должны расходиться с делом». Они расстались, Хагелстайн впал в депрессию.

Подземный испытательный взрыв был произведен 14 ноября 1980 года. Вуд и Чэплайн находились на полигоне в Неваде, волнуясь, суетясь, заканчивая последние приготовления. Хагелстайн остался в Ливерморе.

Испытания прошли успешно и для Хагелстайна, и для Чэплайна, однако результаты Хагелстайна оказались несравненно лучше. Чтобы отпраздновать успех, Вуд свозил его и еще нескольких сотрудников из группы в соседний городок и накормил мороженым в кафе.

После успешных подземных испытаний перед Хагелстайном открылись все двери. Наконец он получил доступ к сверхмощным лабораторным лазерам. Увы, прежний интерес к ним исчез: изменился он сам.

Причину подобного пессимизма можно найти в его докторской диссертации «Физические основы коротковолновых лазерных устройств», в 1981 году представленной им в Массачусетский технологический институт. Четыреста пятьдесят одна страница уравнений и научных обоснований содержит единственное отступление от строгого научного стиля, где автор размышляет о возможном практическом применении своих идей, основываясь на трех произведениях научно-фантастической литературы.

В одном из них, в романе Лэрри Нивена «Закругленный мир», на подступах к внеземной цивилизации космический корабль подвергается обстрелу лучевым оружием: «Нас обстреливают! — вскричал один из членов экипажа.— По всей вероятности, это лазер рентгеновского излучения. Что это, война?» — «Рентгеновский лазер всегда был орудием войны,— отвечает его товарищ.— Если бы не надежная защита корпуса нашего корабля, все мы были бы уже мертвы».

Эта ссылка на беллетристику иллюстрирует перемену настроения Хагелстайна. «Считается, что писатели-фантасты заглядывают в будущее,— говорит он.— Поэтому я решил проверить, какое же будущее они предрекают рентгеновскому лазеру. Оказалось, во всех книгах он служит уничтожению... Сплошное разочарование».

Вот так, с иронией, он прощается с прежними высокими замыслами создать лабораторный рентгеновский лазер для мирных целей. Конечно, и тем, чего он добился, можно бы гордиться, однако к своему детищу Хагелстайн испытывает двойственное чувство.

«Мой взгляд на оружие изменился,— говорит он сдержанно.— Примерно до 1980 года я вообще не хотел иметь с ним ничего общего. В те дни я любое оружие считал зловещим. Сегодня я рассматриваю его только с точки зрения физических проблем». Я не слышу в голосе уверенности, восторга, а совсем обратное тому, как молодой король должен бы отзываться о своем магическом мече[4].

Он не верит в возможность создания непроницаемого космического щита. То есть опять не вписывается в образ технократа, уверенного во всесилии современной технологии. Скорее он похож на издерганного молодого человека, который предпочитает закрыть глаза на военное предназначение своих изобретений. В разговоре со мной он говорил не столько о технических путях решения проблемы гонки вооружений, сколько о политических средствах, например таких, как культурные обмены между «сверхдержавами».

«Что касается рассуждений о том, что «космический щит» сделает войну менее вероятной, то я в этом сомневаюсь,— говорит он.— Остановить начавшуюся войну будет невозможно. Конечно, было бы прекрасно, если бы нам удалось создать оборонительную систему, способную уничтожать в воздухе все межконтинентальные баллистические ракеты. Однако я не думаю, что это возможно. Мы сможем нейтрализовать некоторые из них, но не все. Но даже если бы мы и создали такую систему, то все равно не предотвратили бы войну и не избавили человечество от ядерной угрозы, потому что все зависит от людей».

«Я почти убежден,— продолжает он с мрачноватой усмешкой,— что нам не избежать третьей мировой войны. Это будет страшно. Множество городов превратится в пепел. И я совершенно не представляю, как изменить ситуацию к лучшему, совсем избавиться от угрозы. Я считаю — даже если доля вины и лежит на Советах[5] — наше собственное правительство зачастую мыслит гораздо примитивнее, чем думают избиратели. Во многих отношениях русские более здравомыслящие люди, чем мы».

«Лично у меня нет никаких недобрых чувств к советскому народу. Для улучшения общей ситуации, я думаю, действительно было бы полезно организовать с Советами крупномасштабный культурный обмен. По крайней мере он даст нам возможность лучше узнать друг друга. Может быть, это поможет. Однако сейчас мы в очень трудном положении. И создание оборонительной системы не способно облегчить его. Городов от уничтожения она не спасет».

Перевел с английского Игорь МОНИЧЕВ

---

[4] *Проект создания рентгеновского лазера носит имя «Эскалибур» — в честь магического меча легендарного английского короля Артура.*

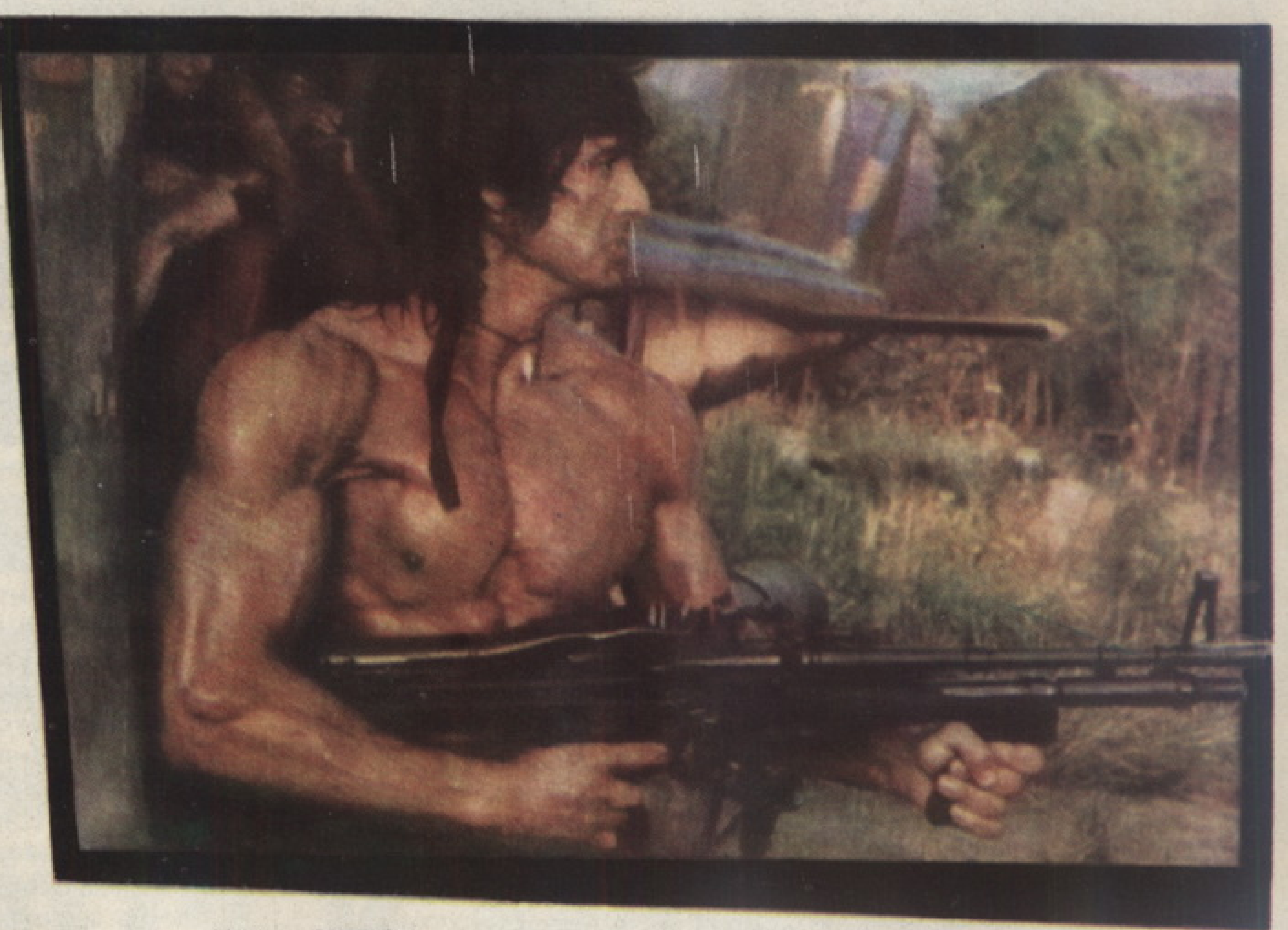
[5] *Повторение излюбленного тезиса западной пропаганды о якобы равной ответственности СССР и США за гонку вооружений, не раз опровергнутого советскими мирными инициативами.*

Буржуазная пропаганда обрушивает на людей во всем мире искусно подтасованную информацию, навязывает мысли и чувства, программирует выгодную для правящих сил гражданскую и социальную позицию.

Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза

Уже не первый год на страницах зарубежной печати время от времени появляются сообщения о разного рода полувоенных учебных лагерях на территории США. Не склонная к либерализму газета «Уолл-стрит джорнэл» пишет, что цель обучения в этих тренировочных лагерях — «довести человека до озверения». Цель же «обучения озверению» — подготовка террористов, убийц-наемников, которых США используют в различных точках земного шара. Утверждается, что, поскольку учебные лагеря частные, к официальному Вашингтону претензий быть не может. Считается, что озверевшие выпускники учебных лагерей «по собственной инициативе» помогают никарагуанским «контрас» убивать никарагуанских крестьян, «по собственной инициативе» участвовали в резне в палестинских лагерях Сабра и Шатила. Опять же и деньги за свою «инициативу» они получают не прямо от ЦРУ, а через посредников. Правда, некоторые американские сенаторы поговаривают, что неплохо было бы поставить вопрос о закрытии подобных учебных заведений. Но вопрос так и остается непоставленным. К тому же учеба в «школах озверения» — личное дело, мол, каждого, а разве демократично вмешиваться в личную жизнь?

Личная жизнь «озверевших» граждан находится под охраной законов США. Более того, именно эта «личная жизнь» и ее идеалы всячески пропагандируются с экранов, больших и малых. О такого рода фильмах и пойдет речь в публикуемом ниже материале. Но сначала несколько слов об особом виде «киноискусства» — о фильмах «суперменского направления». Одним из первых экранных суперменов был Джеймс Бонд, дитя «холодной войны» и безудержного антикоммунизма бывшего сотрудника английской разведки Иэна Флеминга. Бонд, так же как и его автор, служил в Интеллидженс сервис, заодно выполняя заказы других разведывательных служб Запада. Киносерий про «агента 007» было за все годы наворочено почти что два десятка, актеры, воплощавшие образ элегантного убийцы, менялись: время не щадит и суперменов. Время же предъявляет к ним новые конъюнктурные требования. Кассовый провал последнего бондовского фильма показал, что данный тип сверхгероя устарел. Требуются новые. Какие?

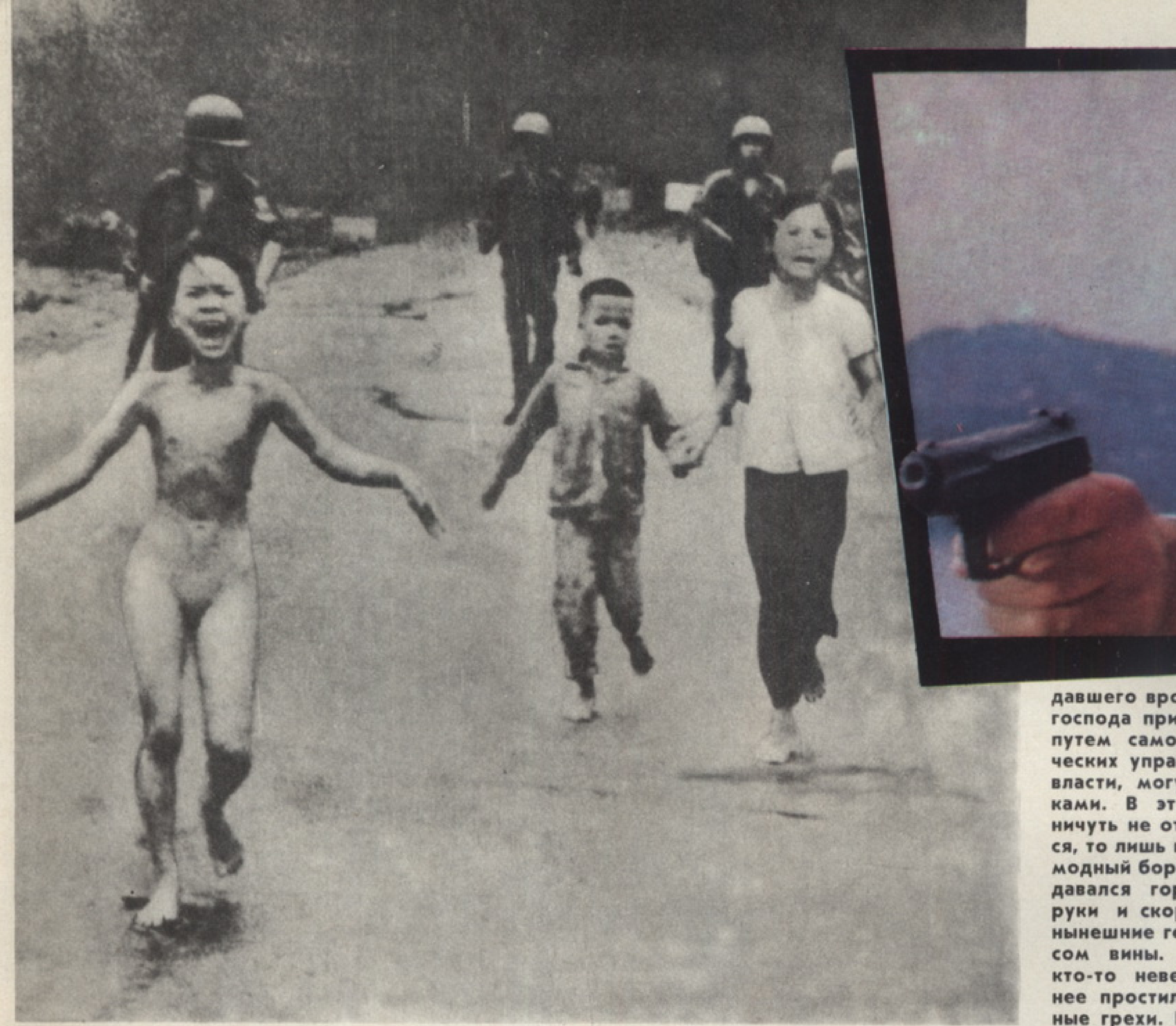
Майкл СРЭГОУ,
американский журналист

Герои, которых мы заслужили?

В качестве «идеала» воинствующему американскому обывателю был предложен Рэмбо. Серия фильмов о нем называется «Первая кровь». В первой части Рэмбо, ветеран вьетнамской войны, бывший десантник, возвращается в родной город, где его отнюдь не любезно встречает местная полиция: ей уже известно, на что способны люди, которых смолоду научили лишь убивать. Единоборство с полицией и всем населением городка идет по нарастающей, крови все больше. Урезонить ветерана вьетнамской войны смог только бывший командир, под началом которого Рэмбо усваивал науку убивать.

Видимо, авторы испугались, что публика может усомниться в их патриотизме, поэтому во второй части они отправляют Рэмбо... во Вьетнам сегодняшний, с приказом вызволить оставшихся там американских военнопленных. Кстати, существование во Вьетнаме лагерей для американских военнопленных — чистейший вымысел. Попавшие в плен солдаты давно уже возвращены в США. Но какое дело создателям фильма до правды? Главное — слепить впечатляющий образ американского патриота, который в одиночку может управиться с «красными». Фильм заканчивается обращением супермена к соотечественникам: «Мы хотим, чтобы наша страна любила нас так же, как мы ее!»

Но за что же нормальным, здравомыслящим американцам любить таких, как Рэмбо? Этот вопрос задает автор публикуемой ниже статьи.

Джеймс Бонд кончился. Тянул из последних сил, но очередной фильм 1985 года, похоже, доконал славного защитника наших славных ценностей. Замшелый Бонд вызывает жалость, смешанную с брезгливостью: старик, страдающий, по-видимому, разжижением мозга и плоскостопием, шумно отдувается и неуклюже размахивает револьвером. Злодеи, враги славных ценностей, неубедительно пугаются и покорно подставляют квадратные челюсти под трясущиеся кулачки «агента 007». Не впечатляет. Публика не удовлетворена, публика жаждет новых героев.

Что же может предложить киноиндустрия, специализирующаяся в области идиотизма? Кто вместо Бонда? А есть такой! Затаив дыхание, наша страна следит за похождениями вульгарного типа по имени Рэмбо. На что уж Джеймс Бонд был недалеким малым, но по части глупости до Рэмбо ему далеко. Но и Рэмбо так, промежуточная стадия, легкий флирт со зрителем. Ведущая роль уготована не ему: преемником Бонда станет совсем другой герой, Ремо. Ремо не носит, подобно Бонду, безукоризненных смокингов, но и не тяготеет, подобно Рэмбо, к демонстрации немытого торса. У него не все в порядке с дикцией, ну и что! Легкая шепелявость придает ему особое очарование (как же, супермен тоже не без недостатков), а отсутствие хороших манер с лихвой возмещается опытом профессионального палача.

Откуда ты, прелестное дитя? Из шестидесятитомной серии «Приключения Ремо». Первая книга этого цикла появилась в 1963 году, с тех пор сии нетленные произведения были изданы общим тиражом 25 миллионов. И вот кинокомпания «Ориент пикчерс» добралась наконец до первоисточников и предложила свой вариант — премьера фильма «Ремо: приключения начинаются» состоялась 11 октября 1985 года в Нью-Йорке. И сразу же — кассовые сборы.

От Бонда к Рэмбо и от Рэмбо к Ремо — вполне естественная трансформация идеи вседозволенного насилия. «Агент 007» был первой ласточкой, ознаменовавшей начало эры хладнокровных убийц, вставших грудью на защиту «священного» Запада, его образа жизни и, главное, образа мышления (или, как мне кажется, более правильно — блаженного немыслия). Бонду симпатизировал сам президент Джон Кеннеди (нынешний наш президент не скрывает своей любви к Рэмбо). Бонд был неутомим — на ходу обольщал дюжины красавиц, кромсал дюжины злодеев, при этом каламбурил и блажил с искренностью юродивого. Эти остроты один кинокритик назвал «символом больного века, пораженного атомным грибком». Я бы сказал, что Бонд еще в утробе заразился этой болячкой. Он был обречен на гибель с самого первого своего шага, но как же затянулась агония!

Рэмбо, Ремо и герой, которого играет актер Чак Норрис в фильмах «Пропавший без вести» и «Пароль: тишина», тоже супермены, но необычайные способности и нечеловеческую реакцию они выработали длительными, упорными тренировками, то есть в отличие от Бонда, обладавшего врожденным суперменством, эти господа приобрели надлежащие свойства путем самодисциплины и особых физических упражнений. Как они пробились к власти, могуществу? Обыкновенно, кулаками. В этом они от Джеймса Бонда ничуть не отличаются, а если и отличаются, то лишь в худшую сторону. Если старомодный борец с коммунизмом порой предавался горестным мыслям, заламывал руки и скорбел о своих злодействах, то нынешние герои не обременены комплексом вины. Создается впечатление, что кто-то неведомый и всемогущий заранее простил этим молодцам всевозможные грехи. Поэтому грехи таковыми в их понимании не являются, и герои ведут себя соответствующе. У Бонда по крайней мере было хоть какое-то обаяние, по сравнению с новоиспеченными хулиганами он выглядит просто лордом. Рэмбо же и Ремо — обыкновенные машины, запрограммированные на убийство. В фильмах бондовской серии есть какие-то намеки на психологизм. Подобный камуфляж теперь безжалостно отбрасывается. К чему кадры, в которых нет действия! Даешь натурализм! Да так, чтобы кровь хлестала с экрана как на бойне. Когда Ремо в какой-то из серий окружают некие азиатские коммандос, он буквально разрывает на части подвернувшегося под руку сержанта. Оператор смакует сцену с нескольких точек — крупным планом окровавленные по локоть руки Ремо, залитая кровью трава, по которой разбросаны куски человеческого тела...

Политическая деятельность Бонда не вызывала желания вести сколь-нибудь серьезную полемику: режиссерам хватало ума обезличивать его противника. Бонд выступал эдаким абстрактным воителем, побеждающим общее инакомыслие, направленное против Запада в целом. То есть сражение: Бонд против всех остальных минус западная цивилизация. Новые герои преподносятся как некий патриотический символ. И Ремо, сражающийся с чужеземцами на лесах ремонтируемой статуи Свободы, и Рэмбо, бьющийся в джунглях с вьетнамцами и неуловимыми эскадронами русских, олицетворяют государственный аппарат Америки и его тотальное недоверие ко всему миру.

Почему Рэмбо вновь пиратствует в джунглях Вьетнама? Объяснение предель-

на стр. 14 ▶

СМОТРИТЕ

На предыдущей странице, читатель, ты узнал, как наряду с частными школами на территории США, где готовят кадры для международного терроризма, обрабатывается общественное мнение в пользу бандитизма во имя защиты «ценностей» «свободного мира». На этом развороте перед тобой картины подготовки солдат специальных формирований армии США, девиз которых: «Что угодно, когда угодно, где угодно и как угодно». В Форт-Брагге идет учение отряда «Дельта». Его готовят к «ограниченным конфликтам», которые сами солдаты называют «грязными маленькими войнами» за рубежом. Именно этим воякам проводить, защищать «интересы» США повсюду в мире. В престижнейшем высшем учебном заведении страны — военной академии Вест-Пойнт — готовятся «лучшие офицеры», кумиры которых — генералы германской фашистской армии. На снимках (по часовой стрелке): отработка десантной операции по захвату чужой территории — первый и второй кадры; «очки» ночного видения для диверсий в темноте; закалка боевого духа в Вест-Пойнте; обучение партизанской войне.

SMITH

Герои, которых мы заслужили?

со стр. 11 ▼

Ричард Б. КРЕЙМЕР,
американский журналист

но простое. Америка не смогла одолеть маленькую азиатскую страну в настоящей войне и теперь тешит себя иллюзией экранной победы. Рэмбо — футболист Америки. Как болельщики ассоциируют себя со спортсменом, ликующе вскинувшим над головой руки в знак благодарности себе и судьбе, так и Америка видит свои несбывшиеся надежды в не знающем поражений Рэмбо.

Ремо с первой же серии выступает как самостоятельная воинская единица, в которой сконцентрирована вся мощь армии США,— взяв на себя жандармские функции, Ремо беспощадно карает все, что «неамерика». Как и Джеймс Бонд, Ремо имеет абсолютную лицензию на убийство. Но его работодатель — не Интеллидженс сервис, не ЦРУ и не ФБР, а таинственная организация под названием «Исцеление». Вкратце история такова. Незадолго до своей трагической гибели некий президент создает организацию «Исцеление», которая должна стоять на страже конституции, незримо защищая ее всеми допустимыми, а главное — недопустимыми способами. Отсюда такая засекреченность. (То есть, другими словами, тактика Ремо такая же, как и у американской армии во Вьетнаме: если требуется что-то защитить, то предварительно это желательно разрушить). И Ремо, неконституционными методами защищающий конституцию, и Рэмбо, сражающийся с несимпатичными полицейскими (которые и в самом деле малосимпатичны), похоже, призваны доказать одну определенную мысль: наша страна поистине великая, но... к сожалению, ее учреждения зачастую не срабатывают! Верно. Не срабатывают. Зрители это знают по себе. И после таких фильмов в сознание обывателя вползает гаденькая мысль: единственная надежда Америки — это ребята, слепленные по образу и подобию Рэмбо и Ремо. Только они способны бороться с хаосом и противостоять беспорядку, царящему в стране — и в мире. Новые герои вершат суд, сами выносят приговоры и сами же приводят их в исполнение.

Если Ремо считает, что преступник не заслуживает серьезного наказания, то, как в случае с крупным торговцем наркотиками (в серии «Приключения начинаются»), он просто подвешивает его за ноги на карнизе тридцатого этажа и ласково советует бросить это нехорошее занятие. Вообще меры пресечения, которые выбирает Ремо, всегда носят элемент творческого поиска. Когда он узнает о заговоре, который вынашивают злодеи, находившиеся за тридевять земель от Америки (как дают понять зрителю, десяток отпетых бандитов намереваются вырезать штат Юта), у него не возникает ни малейшего сомнения — Ремо мчится на другой край света и успешно обезглавливает негодяев их же личным оружием. Он тепло отзывается о деятельности Рэмбо — методы этого старательного парнишки находят полное понимание Ремо, который так часто сетует на тяжкие условия работы, что хочется похлопотать для него о поездке на воды. Ремо вынужден неустанно заботиться о соблюдении секретности своей организации, и львиная доля его энергии уходит на работу по уничтожению сотен свидетелей, ежедневно ухитряющихся проникнуть в секреты сверхзаконспирированного ведомства. Ремо очень любит американский флаг, и всякие шутки по этому поводу неуместны — осквернитель звездно-полосатого полотнища рискует быть разорванным на куски. И Ремо иногда приходится проделывать такую процедуру. У Ремо нет постоянных политических противников, как правило, его жертвами становятся всякие там иноземцы (лучше черные или желтокожие), левые, студенты и другие, менее реальные клиенты, которых для его потехи придумывают авторы эпопеи.

Рэмбо не устает повторять, что самое надежное оружие — это его собственный мозг. Ремо, который повсюду таскает за собой внушительный арсенал всевозможных новинок военно-промышленного комплекса, похлопывает себя по низенькому лобику и приговаривает: «Эту штучку я не променяю даже на ядерную базуку!» Самое поразительное, что этой «штучкой» Ремо так ни разу и не воспользовался — до того ли, тут действовать надо, когда уж думать!

Я назвал подобную кинопродукцию идиотской. Но насколько верна такая характеристика! Серьезного зрителя коробит незатейливость режиссуры и глупость персонажей: неприятно, когда тебя считают тупицей. Но эти фильмы предназначены для другой категории зрителей, к сожалению, более многочисленной. Тут бы прессе вмешаться и разъяснить публике, что к чему. Взамен с ее стороны полный восторг: «Бравый парень Ремо восхищает Америку!» Какую Америку!! Ремо безжалостно раздвигает рамки кадра и изо всех сил рвется с экрана в жизнь. В жизнь этой самой «восхищенной Америки». Полагаю, что при более близком знакомстве с подобными героями восхищение вмиг испаряется. Зрителя старательно убеждают, что «Рэмбо и Ремо самые обыкновенные американские парни, для которых нет ничего выше идеалов демократии». А откуда берутся такие парни! Где прообраз — вон в той темной аллее! Лично я на этот вопрос ответить не могу, но твердо убежден, что вымышленный Рэмбо и реальный лейтенант Колли, уничтоживший в свое время мирных жителей вьетнамской деревни Сонгми,— это два аспекта одного и того же явления. И зовется это явление Америкой.

Я далек от какого бы то ни было профессионального и тем более серьезного анализа сих фильмов — это весьма неблагодарное занятие, к которому у меня совершенно не лежит душа. Я лишь отчаянно пытаюсь понять: почему американцы судорожно вцепились в прожженных негодяев типа Ремо и Рэмбо!

Герои, похваляющиеся своими мнимыми интеллектуальными способностями, яростно сражаются за общество, которое совершенно не нуждается ни в них, ни в их защите. Более того, имея в своем авангарде таких бойцов, общество должно было бы считать себя смертельно оскорбленным. Но этого почему-то не происходит. В чем же причина! В привлекательности этих доблестных хранителей западной цивилизации или в разложении Америки!

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ

ПО СЛЕДАМ МЕНГЕЛЕ

Уже в то время, когда над главными военными преступниками гитлеровской Германии начался международный судебный процесс в Нюрнберге, американские спецслужбы в массовом порядке вывозили за океан нацистских главарей с целью укрыть их от заслуженного возмездия. Попирая нормы международного права и взятые на себя в ходе войны и после ее окончания международные обязательства о привлечении к ответственности и наказании всех лиц, виновных в тягчайших преступлениях против мира и человечества, официальные власти США широко распахнули перед ними двери своей страны. Сюда перебрались около 10 тысяч нацистских военных преступников.

Не менее 20 тысяч гитлеровцев, которые значились в списках разыскиваемых лиц, при прямом содействии американских разведслужб нашли надежное убежище в странах Латинской Америки. Среди них оказался и врач-изувер Йозеф Менгеле, проводивший в концлагере Освенцим чудовищные «медицинские» эксперименты над живыми людьми и отправивший в газовые камеры тысячи узников. Он до сих пор на свободе, а между тем у американцев было немало возможностей предать его суду: в 1947 году, когда он был впервые арестован в Вене, но сразу же отпущен американцами на свободу; в 1949 году, когда он открыто поселился в Гюнцбурге (ФРГ) и когда вслед за тем ему помогли перебраться в Латинскую Америку. Единственную санкцию в 1962 году против него предпринял Франкфуртский университет, заочно лишив его звания доктора медицины.

Врач-убийца стал легендой при жизни: «вечный», «бессмертный», «неуловимый». За 40 лет написаны сотни очерков и детективных историй о безуспешных попытках поймать Менгеле. Интерес к его фигуре понятен. Однако в предлагаемом читателю очерке американский журналист пытается поставить вопрос шире. Кроме Менгеле, слухи о смерти которого, как известно, уже неоднократно оказывались преждевременными, от суда и ответственности все еще укрываются многие нацистские военные преступники. Среди них и «соратники» Менгеле по концлагерю Освенцим, где в годы войны гитлеровцы уничтожили более четырех миллионов человек.

И. ЛЕДЯХ,
старший научный сотрудник
Института государства и права
АН СССР, кандидат
юридических наук

Дело было в начале восемьдесят пятого. Меня вызвал редактор: «Слушай, надвигается май, сорокалетие Победы над Гитлером. Поедешь в Парагвай искать Менгеле. По слухам, он там».

В Асунсьоне я устроился что надо. Лучший отель, владелец — генерал из правительства. Именно здесь я встретил Мартина Эббинга, репортера Бременского радио. Оказалось, Мартин тоже из охотников за Менгеле. Он собирается съездить в долину Чако, навестить бывших из армии вермахта, они там обосновались. Фермеры. Мартину нужен кто-то, кто говорил бы по-испански. А мне нужен кто-то с немецким.

«Он должен быть где-то в районе — нет, записывать ни в коем случае нельзя, запоминайте,— Паранами. Дороги туда нет. Военная зона...»

Это нам говорит один смелый парагваец. Говорит в машине — в Асунсьоне каждая стена имеет уши. Дон Альфредо Стресснер [1], сын баварского пивовара, не любит, когда вспоминают о нацистских преступниках.

«Там живет один немец, из бывших. Зовут Мюллер. Мюл-лер. К нему на ранчо можно добраться только по реке. Менгеле бывает у Мюллера, там у него лаборатория. Я еще никому об этом не рассказывал».

Парагвайские газеты о докторе Менгеле не пишут, будто его вообще никогда не существовало. И Гитлера не было. И лагерей смерти.

«Может, вы и доберетесь,— говорит наш новый парагвайский знакомый. Шепотом.— Будьте осторожны. Немцы вам помогать не станут. Они никогда не произносят вслух это имя. Говорят «наш старый дядюшка» или просто «старик». Никому не говорите, кого вы ищете».

Нам надо добраться до городка под названием Пилар. Ехали на автобусе. Владелец единственной гостиницы в Пиларе — дон Марио. Серые волосы, серый цвет лица, серый человек. Хозяин придорожной гостиницы в городке без дорог.

Я сказал дону Марио, что мы журналисты из столицы. Но сегодня суббота, и мы хотим посмотреть этот чудесный край.

— О, вам не повезло: дороги затопило.

— А мы своими глазами хотим посмотреть на наводнение,— уверял я.— Рассказать нашим читателям об этой ужасной проблеме. У нас с собой и карта есть.

Дон Марио склонился над картой. Вот тут вода высокая, а вот здесь можно проехать. Получалось, мы можем добраться почти что до реки Параны, оттуда до Паранами двадцать миль.

— Лучше всего было бы достать «джип».

— О, это трудно.

— Между прочим,— сказал я ковар-

---

[1] *В 1954 году генерал Стресснер захватил власть в Парагвае, установив военно-полицейскую диктатуру.— Здесь и далее прим. ред.*

но,— мы прекрасно заплатим даже за самый плохонький «джип».

Цвет лица дона Марио несколько улучшился, и он двинулся к телефону. Через несколько минут появился некто, по виду местный бизнесмен.

— О, дон Грегорио! — воскликнул дон Марио.— Вот с ним и поговорите. Он фермер, выращивает хлопок. Он эти места знает.

Мы заказали для дона Грегорио виски и задали невинный вопрос: как быстро поднимается вода? Дон Грегорио застонал: «Что делать, что делать! Хлопок гниет!» Местный команданте одолжил ему солдат, спасти хоть половину урожая. И вдруг ни с того ни с сего дон Грегорио прошептал:

— Здесь живет один пожилой немец с семьей. Он у себя на ранчо делает виски и ром. Но все весьма странно, весьма странно...

— А из чего здесь гонят виски?

Дон Грегорио наклонился над столом и сказал, еще больше понизив голос, всем своим видом давая понять, что он и сам долго раздумывал над этим вопросом:

— Он купил большой участок земли у жены министра финансов. Оформлено все по-тихому, но я прознал. Я думал, что смогу договориться поставлять ему сахарный тростник. Но мне не удалось до них добраться. Туда не проедешь.

— А как они сами-то добираются?

— У них катер. А оборудование гнали туда вездеходами.

— Оборудование?

— Трактора, всякие приборы, машины...

Я перевел Мартину. Мартин потянулся было к магнитофону, но отдернул руку. Я тоже не стал раскрывать свой блокнот.

— У них контракт с правительством,— продолжал дон Грегорио,— поэтому они все получили без пошлины.

— И что же, эти машины производят виски или ром?

— Говорят... Я слышал, там, на ранчо, ничего не производят.

Я заказал для дона Грегорио еще стаканчик, и он сообщил, что хозяина зовут Мюллер, но там еще живут немцы, из тех, кто осел в Парагвае после войны.

— Ладно.— Я улыбнулся.— Скажу вам правду. Мы журналисты, сюда приехали просто так, на уик-энд. Но вы же знаете, какие мы, журналисты, любопытные.— Я расстелил карту.

— Я завтра еду сюда,— дон Грегорио ткнул в точку под названием Десмочадос.— Попытаюсь оттуда добраться к себе на ферму. Оттуда можно проехать и к ранчо Мюллеров.

Мы договорились, что завтра в шесть утра поедем с доном Грегорио на его ферму, он даст нам повозку и проводника. Заплатим, сколько б это ни стоило.

Я проснулся первым. Спустился вниз. Выпил одну чашку кофе. Вторую. К третьей появился Мартин. Восемь утра. И никакого дона Грегорио.

— Доброе утро, дон Марио!

Хозяин просматривал регистрационную книгу.

— А где дон Грегорио?

— Он просил перед вами извиниться.— Дон Марио упорно глядел в книгу.— Урожай гибнет... Он должен был срочно уехать.

Я вынул пачку гуарани. Начал медленно отсчитывать. Двадцать, тридцать... Дон Марио неотрывно следил за мной.

— О, дон Марио,— сказал я.— Наверное, нам лучше бы сейчас расплатиться. Что здесь делать, если не удается осмотреть эти края? Вернемся обратно. Обидно,— искушал его я.— Мы так надеялись, что сделаем из вашей гостиницы базу, будем ездить по окрестностям, а номер оставим за собой...

Дон Марио проводил глазами пачку банкнотов, которую я засовывал в карман. Нет, нет, он попытается помочь нам пробраться в Десмочадос. Позвонит кому надо. Прекрасно, пусть звонит. «А можно ли мне посмотреть регистрационную книгу?» Дон Марио закивал головой.

Через час все было готово. За 10 тысяч гуарани (и еще пару тысяч шоферу — «Абсолютно надежный человек!») мы можем взять грузовик. Он довезет нас до местечка Майор Мартинес.

В регистрационной книге я нашел запись. Иоахим Мюллер. Швед. Его жена Мануэла. Швейцарская подданная. Адрес — Эстансия Трес Агилас, ранчо Трех орлов. Каких орлов? Шведского, швейцарского и германского? На другой странице — еще один с ранчо Трех орлов. Клифф Штрерах. Немец. Четырнадцать лет.

— А это кто, дон Марио?

— С ранчо. Родственник того химика. Или аптекаря.

— Химик? На ранчо?

Дон Марио пожал плечами, усмехнулся и уставился в счета.

Майор Мартинес — это две грязные улочки и полтора десятка домов. Еще весы для взвешивания хлопка. В одном из домишек лавка. У стены на корточках сидят местные ковбои. У коновязи стоят низенькие толстоногие лошадки. На почетном месте, на скамейке, сидит беззубый старик. Мы тоже присели на корточки. «Буэнас...» — торжественно начал я. Беззубый старик ткнул в меня пальцем, потом похлопал по скамье. Я сел. «Ну?» — спросил старик. «Мы едем в Паранами»,— признался я.

Они зашумели-заволновались. Старик начал хохотать, до кашля. На смех потянулись еще люди, те, что стояли у весов. Я заказал всем рому. Теперь голоса стали совсем дружелюбными. Я спросил о ранчо Трех орлов.

— Да, есть такое,— сказал молодой ковбой.

— Говорят, они там делают спиртное?

— Они там вообще ничего не делают.

— А давно они здесь?

— Лет шесть примерно.

Я перевел все Мартину, потом спросил:

— А здесь есть люди, которые работали там?

— Нет. Они нанимают людей, механиков, но оттуда еще никто никогда не возвращался, все остаются там.

— Механиков? А у них что, есть какое-то оборудование?

— Да, много.

— И что ж они делают?

— Мы не знаем.

— А вы видели хозяина? Мюллера?

— Да, он тут проезжал, когда вез машины.

— А старика вы видели? Старого немца?

— Нет. Он прилетал самолетом. У них там есть аэродром.

Я перевел дух. Потом встал. Пересказал все Мартину. Что делать?

К компании присоединился толстый смуглый человек в желтой рубашке, заляпанной кровью. На голове у него была панама, тоже в крови, что удачно гармонировало с рубашкой. Звали его Аркелло. Впрочем, об этом я узнал позже, а сначала ковбои представили мне его как человека, у которого есть «юнимог». «Юнимог» — это большой грузовик фирмы «Мерседес». Шикарная машина, прямо вездеход. Аркелло направлялся в Паранами. Гуарани опять пошли в дело.

Я сел в кабину, Мартин в кузов. По дороге, вернее, бездорожью я начал осторожный разговор.

— Отличная машина.

— Да, это подарок.

— Подарок?

— Да, мне на ранчо подарили.

— Роскошный подарок. Вы на ранчо работаете?

— Нет. Я президент местного отделения партии «Колорадо» [2].

Черт! Я прикусил язык. Хорошо, что не спросил пока ничего важного.

— Ранчо большое?

— Да, большое. Две тысячи гектаров. А вы знаете людей с ранчо? Вы знаете Лео? И химиков?

— Я не знаю, но Мартин немец, он знает химиков. Много важных химиков.

Аркелло кивнул и уставился на дорогу. На дороге лежала раздавленная колесами змея.

— Здесь много змей?

— Много. Ядовитые.

Попались! Если они нас выгонят, как добираться? Болота, змеи, и на сотню миль кругом ни одной знакомой души.

— Ах, сеньор Аркелло, мы хотели взглянуть сначала на порт Паранами, а уж потом, если повезет, доберемся до ранчо.

— Отлично,— сказал толстяк. Последние десять миль до деревни он не ехал — летел. Член партии «Колорадо» должен блюсти авторитет.

---

[2] *«Колорадо» — Национально-республиканская ассоциация — выражает интересы самой реакционной части буржуазно-помещичьей олигархии. Ее лидер Стресснер.*

Грузовик остановился посреди единственной улицы.

— Вы, наверное, хотите увидеть химика? — спросил дон Аркелло.

— Хи-химика? — я начал заикаться от удивления.

— Ну да. Дани как раз здесь. Вы хотите с ним встретиться?

— Ну... да, не знаю... Да, хотим.

Мы постучались в дверь маленького домика. Открыл парнишка лет четырнадцати. «Говорите по-немецки?» — быстро спросил у него Мартин.

— Да, да,— послышалось за спиной мальчика. Появился высокий блондин с бородкой. Это, видно, и был Дани-химик. Мартин быстро заговорил по-немецки, я не понимал ни слова. Парнишка притащил стол, стулья, кока-колу. Мартин и Дани все говорили и говорили. Я заметил, что разговор становится похожим на вопросы-ответы, спрашивал Мартин. Наконец я не выдержал и вмешался:

— Что он говорит?

— Он химик. Приехал на ранчо два года назад.

— И что они там делают?

— Он не знает.

— Что?

— Он говорит, что все это время ломает себе голову над тем, чем на ранчо занимаются, но так и не может понять.

Оказывается, Дани прочел объявление в западногерманской газете, что здесь, на предприятии по производству алкоголя, требуются специалисты. А это как раз его профиль, дистилляция. Но они здесь ничего подобного не производят! Они вообще ничего не производят. Вот он и застрял здесь: денег на обратную дорогу нет, выбраться из Парагвая не может. Не может даже выбраться из Паранами.

— А что же все эти машины, аппараты?

— Все это фикция. По-моему, они их на вес покупали.

— А где сейчас Мюллер?

— Не знаю. То ли в столице, то ли в Европе. На ферме сейчас его дочь Анна со своим дружком Лео.

Голова у меня пошла кругом. Ну какой им смысл в этом предприятии? Разве только как прикрытие для какой-то другой цели?

— Послушайте,— сказал я Дани по-испански,— мы хотим проехать на ранчо. Нас там хорошо примут?

— Не уверен. Они не любят посетителей. И ни в коем случае не говорите, что вы журналисты.

Мы ехали в темноте. Светил лишь рыжий диск луны, да мощные фары грузовика выхватывали лужи, деревья, каких-то ночных зверьков. Наконец впереди забрезжил свет ранчо. Грузовик остановился. Я спрыгнул и уткнулся носом в чье-то плечо.

— Кто вы такие? — грубо спросил человек по-испански.

— Ну, мы... Здравствуйте...— забормотал я. Мартин вступил своим богатым радиоголосом:

— О, я и не думал, что ваше ранчо так чертовски далеко!

Услышав немецкую речь, человек расслабился.

— Битте,— коротко произнес он и пригласил нас в дом.

Большая комната с низким потолком. Камин. Над камином висят ружья. Портрет фюрера. В высоком кресле восседает статная красивая блондинка Анна. Я склонился к ручке. На щеке у Анны нарисована мушка — в старом добром стиле, который так приветствовался в бункере фюрера.

Мартин уселся поудобнее и пустился в длинную беседу с Лео. Сначала я пытался уловить, о чем они говорят, но потом отказался от этой затеи. Мартин говорит, Лео слушает. Лео говорит, Мартин слушает. Лео улыбается, Лео хмурится, Лео жестикулирует. Я разглядывал комнату, бутылки на столе. Дрянные картины, писанные маслом, в стиле «третьего рейха». Полка с книгами — по химии, медицине. Неужели здесь?

Анна повернулась ко мне и спросила на великолепном английском:

— Как сейчас в Нью-Йорке с ночными клубами?

Я поперхнулся. Потом рассказал все, что знал о ночных клубах. Это заняло примерно минуту. Зато дало возможность спросить, а не скучно ли ей в такой глуши.

О, она здесь бывает не часто. Просто отец уехал по делам, вот и попросил присмотреть.

— Большая ферма?

— Две тысячи гектаров. Но я с детства жила на фермах. Знаю, что надо делать.

— Да, в ФРГ такой фермы не купишь.

— А я шведка.

— Ах, да, да.

— Примерно через полгода мы развернемся на полную мощь. Скоро придет пароход с новыми машинами для нашей фабрики.

— Я слышал, вы производите спиртное. Из чего? Из сахарного тростника?

— О, нет. Мы покупаем виски в Шотландии.

— А... И вы его здесь разливаете?

— Да.— Анна очаровательно, но устало улыбнулась: разговор о ранчо утомляет ее.

— А как насчет бутылок? Здесь, наверное, трудновато достать бутылки для шотландского виски?

— Мы закупаем бутылки в Европе. И этикетки тоже.

— Вы закупаете в Европе виски, бутылки и этикетки, разливаете все это здесь и отсюда поставляете? Здесь же даже дорог нет!

— У нас есть пароход.

— Понятно...

Ни черта не понятно... Я переключился на нейтральные темы: наводнение, и какие прелестные картины на стенах!

— Да, мой отец интеллигентный человек.

Милое семейство! Что папа, что дочка. «Будешь говорить? Мы заставим тебя говорить!» Кажется, я насмотрелся слишком много фильмов про войну. Перед глазами все плыло, я же встал в шесть.

— Мартин,— не выдержал я,— я ужасно хочу спать. Спроси, можно ли нам остаться здесь?

— Конечно,— спокойно ответила Анна.— Лео вас проводит.

Мы вышли в ночь. Кругом какие-то строения, да здесь домов двадцать, не меньше!

— Лео, что это за бараки? — спросил я.

— Так ведь у нас фабрика.— Я понял, что Лео улыбается, говоря это.

— А вот этот домик для кого?

— Для вас,— зловеще произнес Лео и удалился.

Домик в одну комнату, с двухспальной кроватью, туалетом, душем, холодной и горячей водой, аккуратненький домик. Шаги Лео затихли в отдалении.

— Он сказал, что это домик для служанки,— заметил Мартин.— У них что, для всех служанок такие удобства?

— А о чем вы говорили?

— Лео нес всякую чушь про ранчо, про парагвайцев. Говорил, что их надо держать в страхе. Что он, мол, научит их бояться.

— И каким же образом?

— Сказал, что в Паранами у него есть друг, он в полиции заведует пытками. Сказал, что в этой стране такие люди — лучшие друзья...

— Можно нам здесь остаться?

— Ни в коем случае. Он говорит, что утром едет в Пилар. Потом начнутся дожди, и мы вообще отсюда не выберемся.

Всю обратную дорогу Лео развлекал нас болтовней о местных девушках. У гостиницы дона Марио Лео распрощался. Я не выдержал:

— Мартин, спроси его...

Мартин спросил. Лео ответил. Разговор был такой:

Мартин: Говорят, что на вашей ферме живет Менгеле.

Лео: Люди всякое болтают.

Мартин: Так говорили рабочие из деревни.

Лео: Кто именно?

Мартин: Неважно. Они сказали, что старик бывает здесь.

Лео: Ну и что?

Мартин: Вот именно, что?

Лео: Мне ехать пора.

Я вернулся в Нью-Йорк. И выяснилось, что как раз в те дни, когда я был в Парагвае, пришло сообщение — в Бразилии найдена могила Менгеле и умер он шесть лет назад, как раз когда Мюллеры купили Трех орлов. Я позвонил в Вашингтон, в отдел, который занимается розыском нацистских преступников. Да, вы опоздали, мистер, сказали мне. Искали к тому же не в той стране.

— Как «не в той стране»? Неужели не понятно, что в Парагвае по-прежнему нечисто, что там и помимо Менгеле такого добра хватает?

— Нас это не интересует, мистер. Труп Менгеле найден. Остальное нас не интересует. Извините.

Перевел с английского
В. ТАТАРЕНКО

«ПОБЕДИТЬ МОЖЕМ ТОЛЬКО МЫ!»

А. ПОЛИКОВСКИЙ

Впервые сборная СССР и ее тренер Гавриил Дмитриевич Качалин участвовали в чемпионате мира в 1958 году в Швеции. Команда только выходила на мировую арену. «О месте не говорили. Задача была одна — выступить достойно». И ни игроки, ни тренеры не знали, кого опасаться, информации не было: бразильцы казались командой жонглеров, для которых важнее победы трюки с мячом, а главным соперником по группе представлялись австрийцы. Но австрийцев победили 2:0, а вот бразильцы...

За год до чемпионата мира Качалин с командой московского «Динамо» был в Бразилии. Вечером команда пошла посмотреть на пляжи Копакабаны, где с утра до вечера играют сотни мальчишек. «И девчонки играют! — восклицает Качалин.— Там все просто кишит детьми. Играют, играют, играют... Устал, повалялся на песке — и снова. До пятнадцати лет у них тренеров нет, а в пятнадцать они уже готовыми игроками приходят в клубы. «Сергей Сальников решил тут показать мальчишкам, что значит мастер: он жонглировал мячом, поднимая его над собой, подбрасывал его плечами, заставлял прокатиться по шее, пружинисто принимал на грудь. Мальчишки молча смотрели. Потом один, семи лет, босоногий, взял мяч и проделал то же самое без труда...» «Сконфуженные, мы ушли».

И вот команда Диди и молодого Пеле — бывших королей улицы, бывших чемпионов пляжей — весело показала класс. В своем тренировочном лагере бразильцы без перерыва слушали самбу — они, казалось, нисколько не тревожились за исход чемпионата мира. На первой же минуте матча против сборной СССР Гарринча моментальным легким финтом отбросил в сторону защитника Кузнецова и пробил — мяч попал в левую штангу. На следующей минуте, словно шутя, Пеле пробил в правую штангу. Затем Диди послал мяч к воротам, и Яшин вытянул руки, готовясь ловить, но мяч ударился о землю, замер на долю секунды и... полетел от вратаря! Это был знаменитый резаный удар Диди. «К четвертой минуте они вели 1:0. Мы по две минуты не могли отнять у них мяч,— вспоминает Качалин.— Никто из нас даже не расстроился этому поражению — настолько бразильцы были хороши. Я эту игру с командой даже не разбирал, через день нам уже надо было играть в четвертьфинале со шведами».

«Дважды, в 1954 и 1955 годах, мы обыгрывали шведов в товарищеских играх. И у нас была отличная команда — самая лучшая из всех, которую мы когда-либо имели. Но нам пришлось за одиннадцать дней провести пять игр. Шведы отдыхали перед игрой вдвое больше нас. Плюс имели своего зрителя. Мы проиграли им. А их потом бразильцы разнесли в финале 5:2». В том финале Пеле, окруженный и подталкиваемый защитниками, принимал мяч на грудь, сбрасывал его на ногу и бил мощно — цирковой трюк! «В противодействии с защитником этого делать нельзя! Это просто футбольное хулиганство! — говорит Качалин с веселым восхищением.— Он запросто это делал, как на своем пляже... А это был финал! Чемпионата мира! Но у него все выходило...»

В противоборствах, которыми богат каждый чемпионат мира, мало быть просто хорошим игроком, чтобы выделиться: тут все хорошие игроки. Тут играют беспощадно. Тут защитники висят на форвардах, как бульдоги, тут в борьбе врезаются в соперника от души... Чтобы выделиться, тут надо обладать невероятным мастерством и таким же мужеством...

И тем больше наше восхищение, когда мы видим, что в противоборстве с горой пышущих жаром и потом мускулов побеждает не еще большая гора, а мысль. Да, в некоторых футбольных ходах мысль воплощается с невероятной отчетливостью, и мы испытываем тогда острое интеллектуальное наслаждение. Так играл в 1974 году на чемпионате мира в ФРГ голландец Круифф, геометр Круифф, в пасах которого логика и неожиданность были смешаны всегда пополам. Длинноногий, задумчивый Круифф был в той сильной голландской сборной маэстро среди мастеровых: он давал пасы, он указывал путь, он посылал мяч в пространство, как весть пророка, и, повинуясь его ненавязчивой воле, плотники и каменщики Ренсенбринк, Неескинс и Крол строили дом и мостили дорогу к победе.

Но победа не пришла. В финале против голландцев играла сборная ФРГ. Она не могла проиграть. Она восемь лет шла к этому матчу: в 1966-м была второй, в 1970-м — третьей. Теперь, у себя дома, она должна была стать первой и, даже пропустив в начале игры гол, никому не дала усомниться в своей победе. «Это была страшно дисциплинированная команда. Без раздумий они шли в единоборство. Их собьют — они встают не жалуясь. Они вообще никогда не жаловались...» И, помимо Беккенбауэра и Оверата, в сборной ФРГ был еще «бомбардировщик» Мюллер — на тренировках он расставлял мячи в пяти метрах от ворот и вколачивал их в сетку, отрабатывая удар в упор. Никто, кроме него, никогда такие простые вещи не отрабатывал. Но зато он никогда не промахивался: невысокий, коренастый, наделенный невероятным чутьем на гол, он бил из сутолоки, бил в падениях, бил в прыжках, бил, со страшной силой пуская мяч с подъема. Может быть, в Круиффе и его товарищах было слишком много артистизма, чтобы выстоять против такой жестокой и волевой команды.

В 1962 году Качалин и сборная СССР сделали еще одну попытку — на чемпионате мира в Чили. «Чемпионат мира с товарищескими играми несравним. В Москве мы выиграли у Уругвая 5:0, в Чили с трудом 2:1. В игре с Колумбией мы вели три мяча. Угловой у наших ворот. У передней штанги стоял Чохели, Яшин крикнул ему: «Играй!», а тому послышалось: «Играю!» Мяч между ними влетел в ворота. Гомерический хохот на трибунах. У нас растерянность полная. В конце концов 4:4. Нет, я им потом ничего резкого или обидного не говорил — зачем? Я всегда старался держать команду на положительных эмоциях».

«В четвертьфинале мы играли с Чили. Мы выиграли у них в 1961 году, за год до чемпионата. Мы и Чили — это были, конечно, величины несравнимые. У нас в каждой линии были «звезды». В воротах Яшин — вратарь всех времен и народов. Хорошие диспетчеры — Нетто, Воронин. Но во время одной из атак Яшин бросился в ноги чилийскому центрофорварду Ланду и получил сотрясение мозга...»

Менять игроков по тогдашним правилам было нельзя. Яшин остался в воротах. Все нити игры натянулись до предела, счет был 1:1. Это был тот самый момент неустойчивого равновесия, когда команды, напрягая силы, изнемогают в борьбе, когда руки и ноги наливаются тяжестью и время мучительно замедляет свой ход для тех, кто на поле. Чилиец Рохас держал мяч в тридцати метрах от наших ворот и не знал, что с ним делать,— все его партнеры были плотно закрыты, перед ним стояла стена нашей защиты, у него не было ходов. Чилиец все держал мяч в каком-то томительном, неуверенном дриблинге, не зная, что делать, но чувствуя, что что-то делать надо. Напряжение в эту минуту достигло такой силы, что наш игрок Крижевский крикнул Рохасу: «Бей!» — бей, разряжай атмосферу! Рохас ударил, и мяч влетел в ворота.

«Пробей ему Рохас еще сто таких, Яшин бы взял сто из ста,— говорит Качалин.— Я побежал и спрашиваю из-за ворот: «Лева, Лева, что с тобой?» О былых сражениях Качалин рассказывает ровно, не обнаруживая ни досады, ни горечи, но тут в его голосе боль, боль за

Яшина, каким он был в те последние минуты мучительного матча... «Гавриил Дмитриевич, ничего не вижу...»

Вот что привлекает нас в футболе: зрелище борьбы, в которой двадцать два мужчины отдают для победы все силы. Чемпионат мира — это больше, чем просто футбол, чем просто соперничество разноцветных маек. Ворота, поле и мяч тут — только способ, каким люди проверяют себя в борьбе с самой судьбой. И мы, глядя в голубоватый экран, видим искаженные болью и напряжением лица и понимаем, что на наших глазах происходит что-то очень значительное. В полтора часа матча рушатся надежды одних и возносится звезда других. Тут нет полутонов: победу от поражения отделяет резкая черта. Игра безжалостна. «Можно очень хорошо уметь играть в футбол,— говорит Качалин,— но трещинка в характере не даст победить...»

В 1966 году тренер английской сборной Альф Рамсей исключил из команды единственную «звезду», бывшую тогда на Британских островах,—нападающего Джимми Гривса. Рамсею нужны были не «звезды», а команда, умеющая выстоять в трудную минуту. Он как будто и не очень тревожился о том, как его парни будут играть (это уж как-нибудь...), но заглядывал в будущее и предчувствовал там мгновение, когда все повиснет на волоске...

Это мгновение наступило за тридцать секунд до финального свистка судьи в финальном матче против сборной ФРГ на «Уэмбли». На трибунах уже пели песню «Когда святые входят в рай», плакали, обнимались. Но немец Эммерих все оставшиеся силы вложил в удар, мяч ядром врезался в кучу игроков в штрафной площадке, перед метнувшимся вперед вратарем англичан Бенксом, отскочил к Шнеллингеру (центральный защитник сборной ФРГ в эту минуту был на месте центрального нападающего — все смешалось, сумбур, последняя яростная атака...), как-то скакнул под удар Веберу — и тот выбил победу из рук англичан.

В гробовой тишине стотысячного стадиона было отчетливо слышно, как в королевской ложе (истинный джентльмен!) хлопает успеху противника герцог Эдинбургский.

Но ни паники, ни отчаяния, ни минутной растерянности не было в парнях Альфа Рамсея. Рамсей сказал: «Победить можем только мы!» В эти минуты он держал себя так, как будто все шло по плану, как будто он запланировал этот страшный удар Вебера за тридцать секунд до свистка. И действительно: англичане вышли играть дополнительное время, психически и физически готовые к борьбе. «Сколько они над физической подготовкой работают, англичане...— говорит Качалин.— Я сам видел, как они совершали сизифов труд: таскали бревна на гору вверх и с горы вниз. Ну почему же обязательно бревна переносить? — смеется он.— Меня это умилило прямо. Ну есть же штанга, гири... Характер в них был, крепкие были на излом...»

Третью попытку Качалин сделал в 1970 году, в Мексике. «Это высокогорье, 2240 метров. В двенадцать часов дня, когда начался четвертьфинальный матч с Уругваем, температура была плюс тридцать девять. Основное время сыграли вничью 0:0. В перерыве они легли прямо на поле, и я им говорил, как играть. Они уже мертвые почти были. Они все выложили. Абсолютно! Ну и уругвайцы, конечно, тоже еле дышали...»

Качалин рассказывает с улыбкой, как о неудаче, случившейся давно. Он вообще энергичен и смеется заразительно — смех у него мелкий, частый, как стук горошин об пол. Но в этом рассказе, в самом голосе его начинает скользить ниточка горечи...

Мяч выкатился на полметра за линию ворот — два с половиной миллиарда зрителей видели это отчетливо на многочисленных телеповторах. Но судья бежал к этому месту издалека и не видел. Один уругвайский футболист подал мяч в штрафную, принял другой и отправил в сетку не особенно сильным ударом. А наша защита стояла с поднятыми кверху руками. «Кавазашвили ничего даже не попробовал сделать...» — говорит тренер без возмущения, но с тихой, сдержанной досадой.

«То, что случилось, не вернешь,— оптимистично обрывает он себя. Но все-таки добавляет, произносит беззащитно-слабую фразу: — А попади мы в полуфинал, кто знает...»

И улыбается.

Национальное противостояние придает вкус и остроту футболу — где еще, кроме футбольного поля, могут сойтись в борьбе пылкие бразильцы и методичные немцы, викинги-датчане и твердые, как камень, испанцы. В этом единоборстве нет окончательного результата, тот, кто выиграл сегодня, может проиграть завтра; не результат, а сама борьба темпераментов увлекает нас. И мы смотрим на эту борьбу, равно сочувствуя и тем и другим...

Голландцы (но уже без Круиффа) второй раз подряд играли в финале чемпионата мира в 1978 году в Буэнос-Айресе против аргентинцев. У любой другой команды они, наверное, выиграли бы. Но в игре аргентинцев были ярость и отчаяние, которые нельзя было объяснить чисто футбольными причинами. Аргентинцы в тот вечер бились за весь свой оскорбленный, ограбленный, униженный диктатурами континент. Тут, на футбольном поле, они рвались отыграться. Но голландцы стояли крепко. Пропустив гол, они упорно пошли вперед — высокие, костистые парни, чьи

На снимках слева направо: Диего МАРАДОНА, Александр ЧИВАДЗЕ, Брайан РОБСОН, Збигнев БОНЕК.

отцы были плотниками и корабелами и в черной, отнятой у моря земле выращивали тюльпаны. Они сравняли счет. Это сделал цветовод Нанинга. Они чуть не победили — за минуту до конца Ренсенбринк прорвался слева и с острого угла коротко ударил в штангу. Но в дополнительное время длинноволосый аргентинец Кемпес стрелой рванулся вперед, некстати упал Крол, стоявший весь матч как скала,— и на трибунах и на улицах Буэнос-Айреса загремел, закрутился, рассыпался пятнышками конфетти победный карнавал. Голландцы шли с поля мокрые от пота, осунувшиеся, и в них было трагическое величие — в тот вечер они опять бились до конца...

«Голландцы были прекрасны,— говорит Качалин.— У них шли вперед все игроки — не кучей, а эшелонами. Они менялись местами не только по фронту, но и в глубину. Играли вверху непревзойденно. Часто делали длинные высокие передачи, и мяч шел от штрафной до штрафной. Не игроки у них двигались, а мяч за ними двигался. И били — я не знаю другой команды, которая так била бы с дальних дистанций. Они показывали футбол будущего.

Но чемпионами мира они не стали».

«Почему люди любят футбол? — спрашивает Качалин.— Почему два с половиной миллиарда человек смотрят чемпионат мира? — Он смеется, седой бодрый человек, знавший, как всякий тренер, провалы и взлеты. При нем сборная СССР добилась своих высших достижений — выиграла Олимпийские игры в 1956 году и Кубок Европы в 1960-м. Сейчас он президент клуба «Кожаный мяч».— Потому что кто из нас с детства не знает, что такое мяч? Первой игрушкой для ребенка является мяч — яркий, красивый... Люди любят Игру».

«Чемпионат мира — это самое большое испытание для футболиста. Проверка мастерства и воли. Воля особенно много значит в Мексике, на высокогорье, где матчи будут начинаться в двенадцать часов дня, когда температура плюс сорок, когда легким не хватает кислорода, а игра требует все новых и новых усилий...»

На чемпионатах мира слабых игроков нет. Пятьсот двадцать восемь футболистов из двадцати четырех команд — лучшие из лучших. Бородатый бразилец Сократес, бьющий, как пушка. Курчавый финтарь Марадона. Датский таран Элкъяйр, гибкий как лоза итальянец Росси. Сколько чемпионатов может быть у них в жизни? Мексиканский вратарь Карбахал участвовал в пяти, Пеле в четырех, но у большинства игроков век гораздо короче. «За четыре года, которые проходят от чемпионата до чемпионата, с ними может случиться все, что угодно,— говорит Качалин.— Падение формы, травмы. Они знают, что, если не сегодня, то, может быть, никогда. И это заставляет их отдавать игре все...»

«Я трижды вел сборную на чемпионатах мира. Может быть, то, что мне не удалось, удастся теперь».

Мы все надеемся.

ПРОСТО КАК А... В... С...

ВЫ СЕГОДНЯ НИКУДА НЕ ОПОЗДАЛИ! ● И ВСЕ УСПЕЛИ! ● И ТО ВАШЕ ДЕЛО, КОТОРОЕ ВЫ СЧИТАЕТЕ САМЫМ ГЛАВНЫМ, ТОЖЕ ПРОДВИНУЛОСЬ ВПЕРЕД! ● И ЧТО, ТАК ДАЛЬШЕ И БУДЕТ! ● ТОГДА ИЗВИНИТЕ. ПРОДОЛЖАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА...

ВАШЕ МНЕНИЕ?

Стив САМПСОН,
датский журналист

Все, кто умеет держать свое время под контролем, знают, что его нужно планировать, причем заранее. Большинство вспоминает об этом от случая к случаю, дожидаясь, пока дел накопится невпроворот, или считает, что планировать стоит только самые важные события. А между тем деловым человеком можно быть только, если планируешь время постоянно.

Самое первое, что вам предстоит сделать,— это составить самый обыкновенный список дел, которые вы хотите сде-

лать — сейчас или когда-то потом — и тех, которые вам надо сделать. Попробуйте расположить их по степени важности в алфавитном порядке: дела А, дела В, дела С и т. д. А — ваши самые важные дела, те, что вы *действительно хотите* сделать. Не обязательно, чтоб они были глобального значения: может быть, вы хотите связать свитер или написать 10-томную всемирную историю. К А могут относиться дела, которые помогут вам продвинуть вперед работу, исправить настроение, разнообразить свой собственный или семейный досуг. После этого выстройте все свои А по порядку: А-1, А-2, А-3 и т. д.

Дела В и С менее важные. Как вам кажется, эти дела нужны для того, чтобы быстрее довести до конца дела А, или их хорошо бы просто не забыть.

Основной принцип делового человека прост: тратить как можно больше времени на А и как можно меньше на С. Настоящее планирование, не прожектерство, главное условие выполнения всех ваших первостепенной важности дел А.

«КОПИЛКА» ВРЕМЕНИ. Предположим, ваш список готов. Что дальше? Дальше вы обязательно зададите себе вопрос: «Откуда же я возьму столько времени на все эти дела? День у меня и так забит до предела». Вполне может быть, что вы правы и день ваш действительно занят до предела. Но чем? Чаще всего, оказывается, теми самыми С. Значит, самое время постараться в разумных пропорциях отдать максимум времени А, сократив или вообще отменив некоторые С.

Как правило, дела А требуют много времени и много усилий. Начинайте выполнять А-1 с малого. Выделите для него, скажем, ежедневно по 15 минут и с чистой совестью вычеркните запланированные на это время С. Помните: у делового человека всегда хватает времени для важного дела. Если вам работается лучше в ранние утренние часы, зарезервируйте их как ваше А-время. Выполните намеченное и только после этого одевайтесь, садитесь завтракать или читать газету.

При этом, естественно, нет надобности гоняться за каждой минутой. Деловой человек, но не маньяк. Предусмотрите ежедневно час или больше для всяких неожиданностей.

ЕЖЕДНЕВНИК «НАДО». По мере продвижения вперед сквозь чащобу ваших А придется составлять ежедневный список всевозможных «Надо сделать». Постарайтесь отвести для его составления несколько минут перед самым сном. И не тратьте понапрасну сил, не старайтесь держать все «надо» в голове. Запишите. Пусть будет список и долгосрочных, и повседневных дел. Сравнивая их, вы определите, что сейчас важнее всего.

ГДЕ ИСКАТЬ ВРЕМЯ? Накопить время для дел А, конечно, трудно, однако легко заметить, что день наш полон разного рода «переходными состояниями», время на которые мы тратим с щедростью выигравших его в лотерею. А ведь, попробовав сократить время утром на одевание, душ, завтрак даже на 10 минут, мы бы получили 70 лишних минут в неделю. Но уж если вы добились такой экономии, используйте ее обязательно продуктивно, хотя бы на изучение иностранного языка.

Даже перерыв на обед необязательно должен быть пустой тратой времени. Все мы, разумеется, нуждаемся в отдыхе, но ведь попутно можно позвонить по неотложному делу или поиграть в пинг-понг.

РАБОТА — ОТДЫХ, ОТДЫХ — РАБОТА. После праведных трудов над своим главным А-1 вы устали. В таком случае главное — отвлечься, выполнить что-нибудь из дел С, а потом снова вернуться к А. Если же вы устали по-настоящему, то и отдохните по-настоящему: сядьте и минут пять не делайте абсолютно ничего. Полноценный отдых никогда не был пустой тратой времени. Но помните: потом вы должны обязательно вернуться к своему А, потому что, увы, древнейшая болезнь человека — откладывать все на потом.

ПОЧЕМУ ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ПОНЕДЕЛЬНИКА? Когда вы составляли список дел, все ваши А были так важны, ах, как важны... Так почему же теперь вы бежите от них? Почему вдруг в разгар работы нам обязательно хочется сесть и почитать, нет — просто полистать какой-нибудь скучнейший журнал? Почему, планируя «сесть» на диету, мы широким жестом разрешаем себе пострадать от избытка калорий оставшиеся до понедельника дни?

Откладывать свои начинания — качество сугубо человеческое. Принимаясь за дела, которые, если они того стоят, непременно требуют времени, мы вступаем в период сомнений: а получится ли? И вполне вероятно, что уверенности в этом нет. Вот тут и начинается борьба с самим собой, выдумывание отговорок. Как правило, они стандартны: надо, мол, подчистить все до последнего С, освободиться, а уж потом браться за А-1. И ведь, признайтесь, смешно: самое главное ваше А-1 висит над вами как дамоклов меч, а вы суетитесь из-за мелких С.

Не обманывайте самих себя: именно потому, что вы набрасываетесь на всевозможные С, а не оттого, что у вас действительно нет времени, вы никак не можете написать первую строчку вашей 10-томной всемирной истории, а иной раз и просто поздравительную открытку друзьям...

Многие из тех, кто любит откладывать на потом, по складу характера хотят выглядеть самим совершенством и ставят перед собой фантастические задачи, а потом просто боятся к ним подступиться. Есть и другие: они предпочитают дождаться, пока их «подожмет», и уж потом, рдея от натуги, бросаются в дела. Можно, конечно, найти оправдание: мне-де лучше работается «под напряжением». Но лучше ли это для дела? Порой, выполненное в последнюю минуту, оно требует больше времени. Студенту, всю ночь печатавшему курсовую, обязательно придется потратить лишние час-два на исправление опечаток. Подумайте и о следующих двух днях после такой гонки, когда вам придется «отходить».

Тем, кто привык работать в цейтноте, следует задать вопрос: «А зачем?»

Во-первых, многое необязательно должно быть выполнено с блеском, а просто выполнено.

Во-вторых, думайте помалу. Не вообще мало, конечно. Разделите свою необъемную задачу на маленькие блоки. Ведь, собираясь покрасить стены в доме, вы начинаете красить одну из них. Разбив грандиозную задачу на маленькие этапы, вы обнаружите, что она не такая уж невыполнимая.

В-третьих, выявите и без сожаления вычеркните из списка те маловажные С, которые легко превращаются в оправдание для откладывания А. Постоянно спрашивайте себя: «Что я могу не сделать?»

В-четвертых, отрежьте себе все пути к отступлению. Простой пример: если вы на диете — уберите все сладости из дома. Если вы помешаны на телевизоре — выверните из него лампу или еще лучше — отдайте его друзьям. Если вы чересчур общительны — заведите для себя «спокойную» минуту, предупредите своих коллег, чтобы они вас не беспокоили. Используйте это время только для своих А-1.

В-пятых, если вам кажется, что вы боитесь взяться за какое-то дело, спросите себя: «Чего именно я боюсь?» Предположим, вам предстоит беседовать с вашим новым начальником — подумайте, какой самый сложный из вопросов он может задать, и приготовьтесь на него ответить.

Но даже если, приняв к действию все эти советы, вы все равно захотите отложить свои дела на завтра — сделайте и это с пользой. Сядьте в кресло и не делайте ничего. Абсолютно ничего в течение четверти часа. Уже через пять минут вы почувствуете такое угрызение совести из-за того, что вы отнимаете время у своего А-1, что приметесь за него с жаром, о каком и не помышляли.

Кстати, лучший способ избавиться от привычки откладывать дела — думать о последствиях. Что будет, если я этого не сделаю? Ведь все равно сделать придется. Отсрочка только породит лишнюю суету и нежелательные конфликты, и опять придется выкраивать на это время.

Итак, дело сделано. Что дальше? Дальше — опять вопрос: как лучше использовать именно сейчас свое время? Как правило, самый первый ответ на него и есть самый верный. Примите его — и за дело. Остальные размышления: а не лучше ли сделать то или это — трата времени, которым вы теперь очень дорожите.

Перевел С. КОЗИЦКИЙ

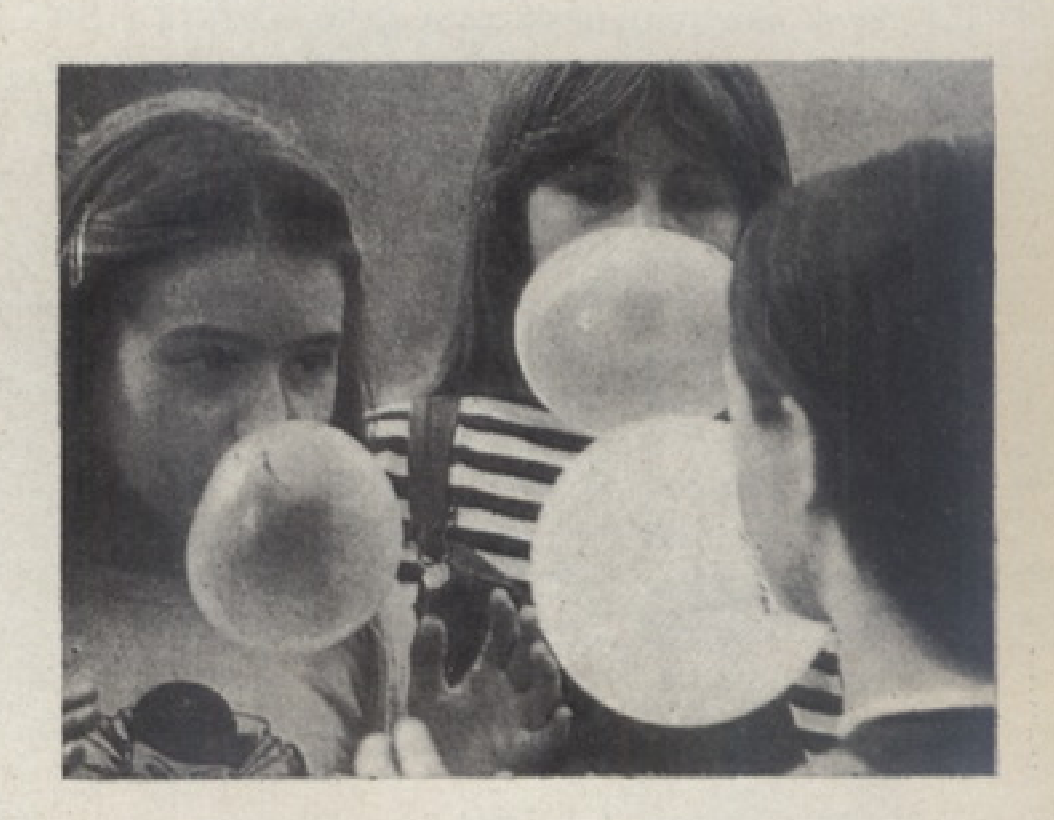
Есть мелочи, часто их называют житейскими, которые хоть и не имеют решающего значения, однако облегчают жизнь, украшают быт. Знание этих мелочей — целая наука. Постигать ее следует загодя. Вот почему редакция решила периодически помещать в рубрике «Что говорят... Что пишут...» специальные выпуски, посвященные делам житейским. Мы ждем ваших писем с вопросами об этих делах и постараемся найти ответы и советы и у наших специалистов, и у зарубежных.

СОВЕТ ПЕРВЫЙ. Вы готовитесь к экзаменам, вы сидите дома, обложившись книгами, вы волнуетесь. Кто-то от волнения худеет, кто-то поправляется — не удивляйтесь, по подсчетам американских психологов, почти половина женщин склонна «заедать» стресс. Привычка считать холодильник лучшим другом и утешителем с годами может стать стойкой, и избавиться от нее будет все труднее. Но если уж вы, чтобы избавиться от усталости и беспокойства, хотите «пожевать», не стоит отказывать себе в этом — вы только будете еще больше нервничать. Простой совет дает венгерский молодежный журнал: начистить морковку, сложить ее в банку с водой — и жуйте на здоровье. Или вымыть листья салата, петрушки, укропа, сложить в тарелку и всегда иметь под рукой (кстати, петрушка и укроп вам сейчас особенно полезны: нагрузка на глаза большая, а эта зелень прекрасно укрепляет зрение).

СОВЕТ ВТОРОЙ. Вы воспользовались первым советом и купили зеленый салат. Но, увы, некоторые листья оказались желтоваты, «закурчавились» по краям. Не спешите выбрасывать. Салат, стрелки зеленого лука, свекольная ботва, не только вкусны и полезны, но и просто красивы! Ими можно украсить букет из одуванчиков и других весенних цветов. Лучше всего такие букеты смотрятся в неглубоких вазах, цветы укрепляют пластилином (стрелки лука прекрасно держатся на воткнутых в пластилин гвоздиках). В вазу сначала ставят листья, ветки, создающие фон, а затем цветы, причем на передний план — более крупные.

СОВЕТ ТРЕТИЙ. Отличным средством заглушить не вовремя возникший аппетит считают жевательную резинку. Итальянский журнал «Панорама» пишет по этому поводу, что у итальянцев то ли аппетиты разгорелись, то ли удовлетворить их становится труднее, но согласно статистике каждый итальянец сжевывает в год двести жевательных резинок, в то время как ближайший конкурент — средний американец — едва успевает «прожевать» 180.

СОВЕТ ЧЕТВЕРТЫЙ. У вас наконец появилась своя комната или квартира, ее хочется убрать по своему вкусу и, конечно, недорого. Начнем со штор, купите любую дешевую однотонную ткань (только не синтетическую) и попробуйте раскрасить ее от руки или по трафарету разведенными разбавителем масляными красками. Так же можно сделать модными простые спортивные тапочки, холщовую сумку и даже юбку — как это сделала одиннадцатилетняя Джоанна, победительница конкурса, проведенного английским журналом «Обзервер». Правда, все это красиво только до первой стирки.

СОВЕТ ПЯТЫЙ. «Запомните: ничего нет нелепее юной девушки, одетой под зрелую даму. И ничего нет глупее, чем покупать дорогое платье на один раз» — так начинает американский журнал «Тин» обращение к девушкам, готовящимся к выпускному балу. И предлагает: платье станет нарядным и даже торжественным, если прикрепить к нему бант (банты сейчас — один из самых модных элементов), украсить кружевным воротником (что также в моде), сделать широкий бархатный или атласный пояс на подкладке. Испытанный вариант нарядного туалета — блузка и юбка. Сшейте или купите белую блузку из тонкой ткани, лучше с длинными рукавами, подчеркнуто широкими, на манжете. К ней — широкая юбка из набивного шелка, штапеля или ситца. В таком наряде вы будете чувствовать себя уверенно и удобно, а ведь хорошее настроение — главное условие настоящего праздника.

«И не усердствуйте в выборе косметики — это уже советует французский журнал «Эль».— Лучшее украшение девушки — чистые волосы и блестящие глаза. Впрочем,— как пишет «Эль»,— женщины понимают это только тогда, когда юность уже миновала».

А МОДА на детские игрушки вступила в противоречие с настроениями покупателей. Покупатели протестуют. Перед магазином игрушек в городе Колумбусе, США, состоялась сидячая демонстрация. Демонстранты — дети; они против многочисленных военизированных игрушек, среди которых сегодня бесспорный фаворит — киносуперубийца Рэмбо (о подвигах этого кумира самых ярых антисоветчиков читайте подробнее на стр. 10). Маленькие демонстранты требуют: «Рэмбо должен уйти! Девочки против Рэмбо!»

СОВЕТ ШЕСТОЙ. Вернее, рецепты коктейлей, которые дает французский музыкальный журнал «Рок э фольк»:

1. Чайная ложка растворимого кофе, стакан молока, чайная ложка сметаны, кубик льда. Перемешать кофе с молоком, добавить сметану и лед. Взбить в шейкере, перелить в высокий стакан и поставить любимую пластинку.

2. Четыре чайные ложки сахарного песку, две чайные ложки растворимого кофе, 200 граммов холодной воды, лед. Взбить, перелить в высокий стакан и сделать звук чуть погромче.

Эти рецепты — в русле новой моды, захватившей США и Западную Европу. Честно говоря, такая западная мода — на здоровую, безалкогольную жизнь — нам нравится. По последним опросам, более трети взрослых американцев считают хорошим тоном не притрагиваться к спиртному. Чтобы не вылететь в трубу, в срочном порядке меняют стиль рекламы телекомпании: стопроцентный американец теперь улыбается с экрана, держа в руках стакан минералки.

Еще ни одна мода не распространялась в США с такой быстротой. Компания «Фрайдиз», содержащая огромную сеть ресторанов, подсчитала, что от банкротства ее спасает напиток «флинг» — лимонная вода с фруктовыми соками. «Это переворот в психологии»,— утверждает президент «Фрайдиз».

Возможно, не всем довелось видеть фильмы с участием Джульетты Мазины. И все-таки каждый любитель кино, даже того не подозревая, так или иначе ощутил на себе обаяние ее огромного и щедрого таланта, словно бы по наследству перешедшего в работы других актеров, наложив на них свой ненавязчивый отпечаток. Джульетта Мазина — это целая эпоха в послевоенном кино. Эпоха мудрого понимания человека, тонкой иронии и сострадания. Без Мазины немыслимо представить последние сорок кинолет.

Лучшие свои роли она сыграла в фильмах, которые делал великий итальянский режиссер Федерико Феллини. «Дорога», «Ночи Кабирии», «Джульетта и духи» — эти картины составляют славу кинематографа; Феллини делал их для Мазины и из-за Мазины.

Это интервью Джульетта Мазина дала накануне выхода на экраны нового фильма Федерико Феллини «Джинджер и Фред», в котором партнером Мазины был Марчелло Мастроянни.

Джульетта и Федерико

Туллио КЕДЗИК,
итальянский журналист

...— Трудно припомнить, что было раньше, что позже,— все перемешалось... Итак, мне было лет двадцать, я играла на сцене университетского театра. Там я не получала ни гроша, и когда меня пригласили в труппу музкомедии ЭИАР (итальянского радио.— *Ред.*), обрадовалась: они давали твердую зарплату! В ЭИАР приходилось делать все, даже петь, а больше всего я любила передачу «Терцильо» — о приключениях жениха и невесты Чико и Паллины. Я играла Паллину. Кстати, Чико — это уменьшительное от Федерико, но моего Федерико так никто никогда не называл...

— И что дало вам радио?

— Я могла бы сказать: деньги. Но не это главное. Тогда программы шли напрямую в эфир. Представляете, какая ответственность? Но она давала и опыт. Телевидения еще не было, и люди вечерами слушали радио, и спорили, и обсуждали радиопередачи, как теперь обсуждают телевизионные. А серия о Чико и Паллине была очень популярной, их имена вошли даже в пословицы и поговорки. Они были обыкновенными людьми, с ними случались грустные или забавные повседневные истории. Сначала Чико и Паллина были женихом и невестой, потом поженились... Передачи так и назывались: «Первая любовь», «Рождество», «Жена и муж», «Новый дом»...

— А как вы встретились с Федерико?

— Это произошло в офисе одного из радиопродюсеров. Меня познакомили с высоким, симпатичным парнем. Я знала, что он делал тексты для передач, в том числе и для «Терцильо», но его имя мне, в общем-то, ничего не говорило. В доме моей тетушки — я жила с нею — читали многие газеты и журналы. Но юмористический журнал «Марк Аврелий» мы почему-то не покупали. А Феллини писал в нем, и его рассказики — он подписывал их «Федерико» — были, оказывается, весьма популярными среди молодежи. Я узнала об этом позднее, от подруг, которые никак не могли поверить, что я видела «живого Федерико»...

— Расскажите побольше о той первой встрече.

— Да ничего особенного в той встрече и не было, а Федерико о ней совершенно не помнит. Он вообще считает, что «родился вместе со мной». Короче, потом он мне позвонил и попросил фотографию: итальянское кинообъединение готовило фильм под названием «Каждый день — воскресенье», и вроде была возможность получить роль. Федерико предложил встретиться утром у входа в ЭИАР и позавтракать вместе. Сейчас это, наверное, смешно, но в те времена существовали определенные правила, и тетушка ни за что не разрешила бы мне пойти в ресторан с мужчиной. Поэтому я ей ничего не сказала. Позавтракала дома, сытно, как положено, и побежала на встречу, чтобы еще раз поесть вместе с Федерико. Ресторан показался мне невероятно роскошным, помню, я волновалась: а вдруг ему не хватит денег?

— Так и случилось?

— Ничего подобного! Он выдернул из кармана пачку банкнотов — знаете, таким вот жестом, как фокусник,— и преспокойно оплатил счет. Между прочим, такого количества карманных денег я у него больше никогда не видела. Он тогда был худющим, с длинными волосами, и вечно ходил в плаще. И еще он был остроумный и очень мягкий.

— И все это случилось?..

— ...Осенью 1942 года. Осенью 1942 года состоялась помолвка. Поженились мы почти что через год, и в течение всего этого года Федерико всячески уклонялся от призыва в армию. Война уже шла к развязке, в июле сорок третьего Муссолини свергли, но в сентябре немцы оккупировали Ита-

лию... Сначала Федерико получал отсрочки под предлогом болезни, а потом просто скрывался у нас в доме. Итак, поженились мы 30 октября 1943 года. На церемонии присутствовали: моя тетушка Джулиа, служанка, художник Ринальдо Геленг, актер Витторио Каприоли, родственники Федерико, родители невесты брата Федерико — Риккардо. Риккардо спел нам «Аве Марию» Шуберта, Федерико потом вспомнил об этом в фильме «Телята».

— Когда и как родилась героиня «Дороги» Джельсомина?

— Федерико давно хотел сделать «Дорогу», но никак не удавалось. Отчасти из-за неудачи первого фильма: в прокате он прогорел, отчасти из-за того, что желание снять сказку казалось безумным, отчасти потому, что в главной роли Федерико хотел снять именно меня. В общем, о фильме и слышать ничего не хотели. Некоторое представление о том, как трудно было выпустить «Дорогу», да еще с моим участием, дает письмо, которое прислал Федерико писатель Джузеппе Маротта, тогда он был кинокритиком журнала «Эуропео». Это письмо я храню как святыню. И если вы позволите мне минуту тщеславия, я прочту ту часть, где обо мне: «...Что до Мазины, то я поставил бы на нее все, вплоть до своей одежды. Это великая актриса, рожденная для кино, как Грета Гарбо или Бетт Дэвис. Возможно, я даже не смогу объяснить это словами. Но великий день кино настанет тогда, когда Мазины изгонят X или У (здесь он называет парочку красоток, имевших успех), и дай бог, чтобы я дожил до такого... Сражайся за нее, не стесняйся показывать ее публике, лучшим образом и любыми средствами используя ее прежде всего в своих фильмах».

— А когда Федерико впервые заговорил с вами об этом фильме?

— Он не говорил о нем, он дал мне прочесть набросок сценария. Я читала и плакала. Потом вытерла слезы, и между нами началась борьба за Джельсомину. Она казалась мне Золушкой, изначальной жертвой, мягким, нежным созданием. У Федерико были иные представления... Помню, пробы костюмов и грима мы сделали очень быстро. Федерико отрезал мне волосы, выкрасил их в соломенный цвет и, чтобы они стали пожестче и торчали перьями, покрыл смесью пены для бритья и талька. Где-то раздобыли драную майку, теннисные тапочки, цилиндр, юбку на резинке, военную шинель и короткую накидку, какую носили солдаты в первую мировую войну. Накидку взяли у какого-то пастуха. Она была из такой грубой шерсти, что натерла шею, и здесь, сзади, еще долго оставался шрам.

— Премьера «Дороги» состоялась в Венеции 7 сентября 1954 года. Как это было?

— Битва, настоящий конец света! Зал разделился на два лагеря: одни аплодировали как безумные, другие свистели. Наш фильм получил Серебряного Льва, но премию как лучшей актрисе мне не дали. Говорили, из-за того, что я не понравилась итальянским членам жюри: итальянцы были за «Чувство» Висконти.

— После «Дороги» вас сравнивали с великим французским актером Жаном Луи Барро, с мимом Марселем Марсо, а потом критики прозвали вас «женщина Чаплин».

— О фильме и обо мне чего только не писали — и плохого и хорошего! Что же касается Чаплина, могу заверить: ни я, ни Федерико не только не пытались подражать ему, но даже совсем о нем не думали. Тем более сравнение удивило меня и польстило. Но я долго беспокоилась: а вдруг Чаплин подумает, что я «примазываюсь» к его имени? И наконец в феврале 1966 года на страницах «Нью-Йорк таймс» появились его слова, которые дороже всех полученных мною премий: «She is the actress I admire the most» [1]. Из скромности не буду переводить.

— Именно «Дорога» вывела семейную пару Феллини на международную орбиту?

— «Дорога» обошла все фестивали планеты, куда нас только не приглашали, мы получали кубки, медали, статуэтки из мест, о которых никогда не слышали. В общей сложности призов было пятьдесят. Когда волна, казалось, улеглась, пришла самая престижная премия: «Оскар» за лучший зарубежный фильм. Вручали ее нам 27 марта 1957 года в Голливуде. Мы были в полном сборе: Федерико, Пинелли, Дино де Лаурентис, Энтони Куинн [2] и я. Все это походило на какой-то нелепый сон, и когда на обеде я обнаружила, что сижу рядом со знаменитым голливудским актером Кларком Гейблом, я не смогла удержаться и попросила у него автограф. Он сказал: «Сегодня я должен просить у тебя автограф». Из Лондона поступило предложение выпустить продолжение — «Приключения Джельсомины», называли умопомрачительную сумму, но Федерико, как всегда в таких случаях, лишь рассмеялся...

— Как вы работаете?

— Все зависит от того, с кем работаю, с Федерико или с другими режиссерами. Если с другими — а это бывает гораздо чаще,— я читаю сценарий, стараюсь понять, вникнуть в него, потом вынашиваю свою роль. Никогда не пробую произносить свои слова вслух, не работаю перед зеркалом. Я не пытаюсь переделать роль по-своему, нет. Наоборот, ищу героиню внутри себя, и, когда мне кажется, что ее нашла, все остальное — одежда, прическа, жесты и стиль игры — приходит само собой.

— А как проходит работа с Федерико?

— Федерико мне никогда ничего не говорит. Так, какая-нибудь незначительная фраза, намек, и не дай бог попытаться проникнуть глубже. Всякое вмешательство в подготовительную стадию ему крайне неприятно. Потом он дает мне прочитать мою роль. Читаю. Он спрашивает, что я думаю, и я пытаюсь высказать свое мнение. Он топает ногой, нервно сжимает руки и приказывает: «Обобщи!» После нескольких бесплодных попыток передать все на словах я пишу ему длинные письма, страница за страницей, где излагаю наблюдения, предложения, вопросы. Никогда не видела, как он их читает, но потом не раз замечала, что он воспользовался всем тем, что я написала. И все же от меня он требует, чтобы я понимала все без слов. Вот так: с другими режиссерами я обсуждаю персонаж, размышляю, задаю вопросы, а с ним нет, с ним все должно происходить на уровне телепатии. Когда такой связи нет, Федерико приходит в бешенство. Порой мне передается его нервное возбуждение, и я выплескиваю свои чувства, взрываюсь. А Федерико не любит этого. Он считает, что актер должен как можно меньше демонстрировать свои эмоции, но зритель должен их чувствовать как можно острее. А как этого добиться с таким лицом, как у меня? Я же ничего не умею скрывать. Но иногда, когда и по роли от меня требуется взрыв, между мной и Федерико возникает согласие. Он мне ничего не говорит, он знает: что-нибудь я сделаю. Обычно он остается доволен и в эти минуты терзает меня поменьше.

— А что вы можете сказать о вашем последнем фильме — «Джинджер и Фред»?

— Это фильм о людях, которые стоят на пороге старости, как мы с Федерико. Активная, вызывающая, побеждающая — это ее старость. Старость шутовская, меланхоличная, закатная — его. Фильм проникнут грустью по тому, чего не было, что не состоялось,— это грусть Федерико, грусть мужская, и мне было трудно ее выразить. Я не говорю, что это недостаток фильма, нет, он просто такой. Хотя, думаю, благодаря молчаливому сговору между мной и Марчелло в «Джинджер и Фреде», наверное, есть такие выражения чувств, которых Федерико очень боится. Например, в сцене встречи через тридцать лет Фред в пижаме, непричесанный, не очень трезвый, и я не могу не подумать: боже, до чего он дошел!.. Я поражена, готова заплакать. А Федерико кричит: «Не разыгрывай мне... Ты не Элеонора, не Камилла, не Джельсомина!» Он разрешил мне всего лишь одну слезинку, и то — повернувшись спиной. Будем надеяться, что этого достаточно.

— А такая «мужская» сдержанность — она противоречит вашему характеру?

— Не думаю, потому что я сама, хоть никогда и не жалела, что родилась женщиной, всегда сохраняла в себе некоторые

---

[1] *«Этой актрисой я восхищен больше, чем кем бы то ни было».— Прим. ред.*

[2] *Энтони Куинн был партнером Мазины в «Дороге», Пинелли — один из авторов сценария, Дино де Лаурентис — продюсер фильма.— Прим. ред.*

чисто мужские черты. У меня было больше друзей среди мужчин, чем среди женщин. Даже девчонкой я не переносила женские сплетни, мелкую зависть. Да и сейчас у меня немного подруг: сестры, да еще одна-две. Мне никогда не нравились слишком открытые женские разговоры о чувствах, семейных отношениях и т. д. Мужчина больше стесняется выражать свои чувства, если они искренни.

— Обычно для актрисы сложен переход из возраста в возраст, от роли дочери к роли матери. Как это было у вас?

— Этой проблемы у меня никогда не было. Конечно, мне пришлось принять к сведению, что я не могу больше играть тридцатилетних. Но и в этом моя внешность мне помогает. Думаю, я достойно справилась бы с ролями женщин лет пятидесяти, если режиссеры придумают их для меня. Это Федерико страдает оттого, что у меня уже не округлое лицо, что с годами щеки немного ввалились. Конечно, раньше я могла быть более чудно́й, комичной. Но, например, танец Джинджер я все равно сделала в этом своем счастливом возрасте, и все остались довольны. Я репетировала его полтора месяца, и Федерико, когда увидел, сам был поражен. Мне было приятно доставить ему удовольствие, но я все же сказала: «А не лучше, если б ты придумал мне роль балерины лет тридцать назад?» Но если говорить серьезно, я всегда нацелена на то, что должна делать сегодня или завтра. Назад я никогда не оглядываюсь. Не хочу тоски, сожалений и прочего.

— Значит, сегодня вы чувствуете себя более уверенной, чем в молодости?

— Конечно. Когда-то у меня было много комплексов, сегодня их нет. Меня наделили ими продюсеры, которые считали, что актриса непременно должна быть красивой. Но сегодня, когда я смотрю вокруг и вижу, где оказались эти курортные красавицы, мне хочется смеяться. Да, старость приходит, но она не обязательно должна быть трагедией. Моя мать в восемьдесят лет была молода духом, да и отец также. Сила, оптимизм, желание всегда что-нибудь делать — это характерная особенность моей семьи. Я хотела бы, чтобы и Федерико относился к этому так же. Ведь временами он грустит, начинает сожалеть о молодости, хотя он работает в таком ритме и с такой энергией, что перед ним любой юноша покажется вялым.

— А какой образ жизни нравится вам?

— Такой, какой есть. Обычная повседневная жизнь в моем доме, с вещами, к которым я привязана, с друзьями, телефоном. Некоторые из тех, кто приходит к нам в гости сюда, на виа Маргутта, удивляются, когда видят, что наша квартира совсем не такая большая и уж, конечно, не подходящая для светских приемов. Некоторые подруги спрашивали меня, как же Федерико живет в таком доме? Люди думают, что человек искусства — Артист (я говорю о Федерико, себя я считаю лишь актрисой, и этого мне достаточно) должен жить как-то особо, не так, как все. А я люблю жить так, как жили в доме моих родителей, как я жила всегда. Порой мне кажется, что я и живу так же, как в детстве, только стала чуточку старше. Думаю, что Федерико такой же. Это, вероятно, один из тех моментов, которые нас сближают.

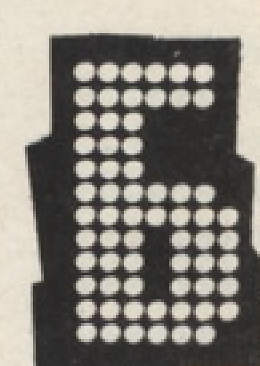
— В чем вы не похожи?

— Во многом... Например, мне нравится, когда у нас гости, а у него всегда вид человека, которому нужно куда-то бежать. Я люблю путешествовать, а Федерико с удовольствием никогда бы не покидал пределы Рима. Мне нравится театр, а ему подавай только варьете. Я обожаю музыку, а Федерико называет ее назойливым шумом. Если он приходит домой и видит меня у радио или проигрывателя, тут же их выключает.

— А по отношению к людям?

— Федерико — человек более расположенный к другим, я же более недоверчива. И в результате он чаще, чем я, бывает разочарован. У нас нет детей, так что мы как бы не настоящая семья. Мы товарищи, друзья, сотрудники. Никто не заставляет нас жить вместе, никто не связывает, это выбрали мы сами, и мы утверждаем этот выбор ежедневно. Каждый из нас сам решает, какую работу делать, с кем дружить, да и зарабатываем мы оба. Наверное, поэтому мы никогда не были друг для друга обузой...

Перевел с итальянского А. МУДРОВ

арабаны Джона Бонэма, покойного ударника «Лед зеппелин», все еще звучат на новых пластинках ансамблей, которые были созданы спустя годы после смерти Бонэма. Благодаря компьютерам Бонэм участвует и в сегодняшних записях.

Говорят, духовая секция Джеймса Брауна «одолжила» свой звук, записанный много лет назад, для одной из недавних пластинок ансамбля «Йес».

Тысячи музыкантов могут сейчас воспроизвести «фирменное» звучание любого из знаменитых органистов — стоит лишь набрать нужный код.

Поп-музыка перевернута вверх дном. Вполне вероятно, что на понравившейся вам пластинке звучит отнюдь не фортепиано, хотя вам кажется, что это фортепиано, а восторженные восклицания следует адресовать не барабанщику, а программисту. Он же скорее всего сделал и восхитившее вас гитарное соло: компьютерный оператор с начальным музыкальным образованием, имея соответствующую аппаратуру, вполне способен сделать хитовую пластинку — и многие делают. Приготовьтесь к шоку: значительная часть мелодий из нынешних хит-парадов создана программистами.

Способность синтезаторов копировать звучание инструментов и даже человеческого голоса сделала их необходимым атрибутом звукозаписывающих студий. У них есть и собратья — электронные ударные установки. На одних играют, как на настоящих, палочками, по другим «стучат» с помощью кнопок. Если со звуком что-то не в порядке, его можно добавить, убавить, подправить, а то и «слепить» совершенно новый. Ведь любой звук — это всего лишь крупица информации, а «заряженный» информацией компьютер может сделать что угодно. Компьютеризации пока не поддается один единственный из «роковых» инструментов — акустическая гитара. Ее синтезатор воспроизвести не может. Зато все остальные! Главное — суметь скомпоновать заложенные в память машины партии различных инструментов.

— С такой аппаратурой кто угодно может за полчаса сделать забойную вещичку,— заявил мне представитель фирмы «Линн электроникс».

— Так уж и кто угодно? — недоверчиво переспросил я.

Я знал, что методы, какими музыку сочиняли, записывали и исполняли, претерпели огромные перемены. Но что любой может впорхнуть в студию и через полчаса выпорхнуть оттуда с законченной пластинкой собственного изготовления — это у меня в голове как-то не укладывается.

Я играю на гитаре. Вернее, игрывал когда-то. Клавишные инструменты, которые нынче доминируют в мире поп-музыки, мне почти незнакомы. А уж по части ударных вообще опыта нет. И все же я решился.

— Начнем с ударных,— предложил представитель «Линн электроникс», указывая на ряд квадратных кнопок. Нажимаю одну из них — резкий звук барабана. Еще одно касание: гул тамтама. Третья кнопка: дребезжание тарелок.

Я «зарядил» обычный рок-н-рольный ритм. Потом, нажимая кнопки, добавил басы, хлопки и даже разные экзотические барабаны, названий которых я не знаю, а внешнего вида и представить себе не могу. Если получался звук, который мне не нравился, я стирал его.

Потом мы занялись другими инструментами. Перед нами пластиковый ящик с клавиатурой, как на пианино, и уже привычными рядами кнопок и переключателей. Эту штуковину я узнал — с такими иногда выступают на рок-концертах.

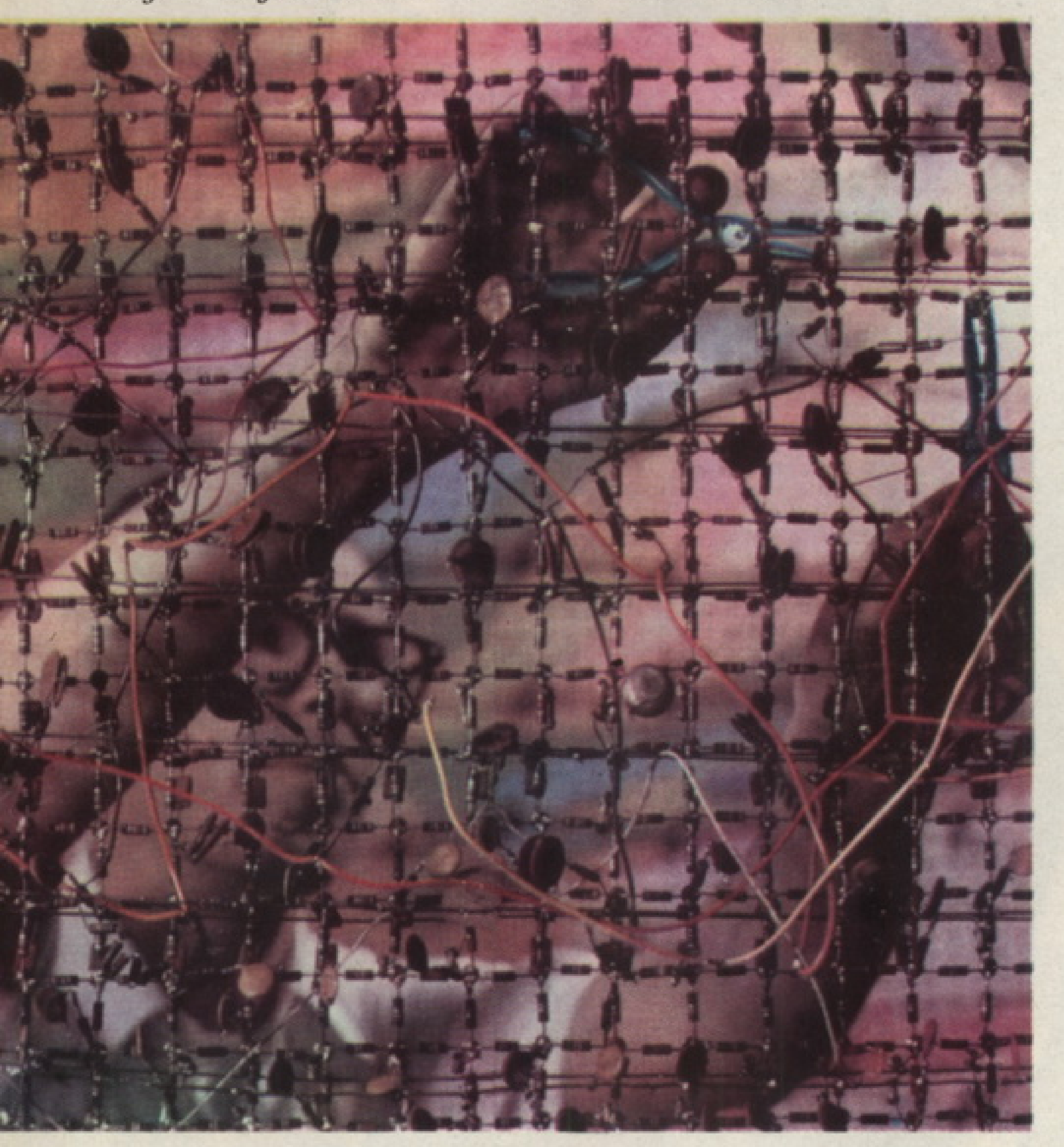
Тут тоже главное — вовремя нажать кнопку. Каждая выдает какой-то звук — органа, скрипки, трубы. Сначала я записал партию бас-гитары. Потом приправил трубой и флейтой. На рефрене дело пошло веселее, я даже научился применять разные вспомогательные эффекты.

Все дело заняло двадцать минут. В течение оставшихся десяти я вертелся по студии, добавляя, подчищая, меняя... Последнюю часть мы подняли на пол-октавы выше — опять же нажатием кнопки. Затем записали получившееся на пленку и проиграли.

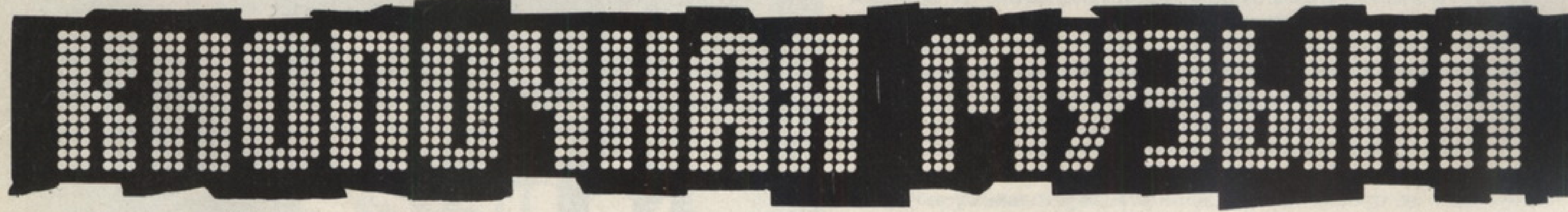
Не скажу, чтобы это можно было назвать музыкой, но танцевать под такое можно. А если учесть, что музыкант я никакой, никогда в глаза не видел аппаратуры и не сделал ни секундной передышки, чтобы подумать о том, какой должна быть моя пьеса, так просто потрясающе!

Компьютер все увереннее входит во все области деятельности, помогая человеку, освобождая его время и силы для решения проблем, требующих творческих, присущих только человеку способностей. Но мы уже знаем примеры, когда друг человека — компьютер — в условиях капитализма используется как враг человека. Так введение новой, более прогрессивной технологии в типографиях корпорации «Ньюс интернейшнл» привело к тому, что тысячи английских печатников остались без работы. И число подобных примеров растет.

Материал, который вы прочтете ниже, говорит о фабрикации с помощью компьютера музыкальных произведений. Автор ставит вопрос: а не вытеснит ли компьютер композитора и музыканта и не грозит ли это все той же безработицей? И не приведет ли компьютеризация к тому, что из искусства уйдет главное — его человечность?

Стивен ЛЕВИ,
американский журналист

Такой способ сочинения становится все более обычным. Композитор сидит за пультом компьютера-синтезатора и исполняет «черновик» — примерную версию того, как могла бы звучать песня, а остальную работу делают машины.

В результате этого «технического переворота в музыке» многие исполнители уже остались без дела. «Влияние технологии ощутили почти все,— говорит президент Американской федерации музыкантов.— Например, музыка к одному из недавних голливудских фильмов была целиком сочинена и исполнена компьютером. Все же будем надеяться, что это лишь причуда, которая не получит широкого распространения».

Но то, что началось как причуда, постепенно становится нормой. Есть даже новый тип студийного специалиста: программист электронных ударных установок. Один из них некогда был ударником, но потом попал в автокатастрофу и после нее уже не мог нормально работать: от барабанщика-то ведь требуется недюжинная выносливость. Поэтому он переключился на электронные ударные. Сразу отпали многие проблемы: сколько времени подряд и на скольких инструментах ты можешь барабанить — уже не важно. Скорость исполнения тоже не препятствие: при записи и воспроизведении ее можно менять по своему усмотрению. Раньше можно было истратить кучу денег и времени, чтобы путем проб и ошибок добиться нужного звучания ударных, теперь за сносные деньги можно купить звук любого барабана, умещенный на маленькой слюдяной пластине — чипе, который вставляется в компьютер. (Едва ли не самый ходовой товар в коллекции фирмы «Линн» — звук барабанов Джона Бонэма.)

Эти никогда не ошибающиеся электронные машины можно даже запрограммировать для правдоподобия на ошибку — с людьми ведь такое случается. Мой знакомый ударник-программист иногда применяет этот прием, чтобы «очеловечить» музыку. Как-то, записывая партию ударных для некоего музыканта, он ввел сбой. Заказчик заметил и велел убрать, пояснив: «Если бы мне нужна была ошибка, я бы пригласил живого барабанщика».

Новая технология меняет не только ритм. Одно из последних достижений — стандартизированная компьютерная музыкальная система, сокращенно именуемая МИДИ. Она может закодировать любой звук, а дальше делай с ним что хочешь. Недавно один композитор (или программист?) пригласил для записи своей пластинки знаменитого джазового гитариста. «Гитарист сыграл часть композиции, но мне это показалось слишком джазовым,— говорит композитор,— поэтому пришлось кое-что подправить».

Этот композитор хотя бы дал гитаристу сыграть что-то: благородный жест. Нынешняя техника позволила бы добиться нужного эффекта путем простого «слизывания» звучания гитары с одной из предыдущих пластинок музыканта, а уж потом «доработать» по своему усмотрению. Так же можно поступить с любым другим инструментом. И никто не знает, как здесь применять авторское право. Можно ли быть «владельцем» определенного звука? А что, если кто-то захочет украсть чей-то голос?

Зря улыбаетесь, такое вполне возможно. Гитарист и продюсер Найл Роджерс захотел, чтобы на его новой пластинке звучал голос популярного киноактера. Роджерс изучил волновые колебания, издаваемые голосом одного из своих помощников, и через компьютер привел их в соответствие с колебаниями голоса актера. Теперь помощник мог говорить своим нормальным голосом, а «на выходе» звучал голос кинозвезды.

В результате настоящие, живые музыканты оказываются в щекотливом положении, когда на концертах им приходится воспроизводить звуки, созданные в студиях синтезаторами. Любопытная получается круговерть: люди, играющие на настоящих инструментах, пробуют имитировать компьютеры, запрограммированные—звучать как инструменты, на которых играют люди. Бывает, люди не справляются.

На недавних концертах Мадонны гвоздем программы были два синтезаторщика. На сцене они играли на четырех аппаратах, соединенных через систему МИДИ с армадой других синтезаторов — их оставили за сценой. Эти два оператора (музыканта?) воспроизводили звук 26 инструментов. Вспомогательные вокальные партии самой певицы тоже были закодированы и включались нажатием клавиши.

Так что же получается: музыканты больше не нужны? (Кстати, говорят, что «король синтезатора» Питер Бауманн из «Тэнжерин дрим» с трудом мог исполнить на пианино мелодию «У Мэри была овечка».)

Вряд ли. Публика, надеюсь, не допустит.

Перевел с английского Л. ЗАХАРОВ

На следующий день, в воскресенье, Дженифер Мак совершала пробежку трусцой и не заметила, как ноги сами донесли ее до Вязовой аллеи.

Дверь открыл мужчина в очках. Он подозрительно уставился на Дженифер, словно ожидая, что она начнет просить денег на мероприятия гёрлскаутов.

— Здрасьте. Дэвид дома?

Мужчина продолжал разглядывать ее.

— Вы, очевидно, мистер Лайтмен?

— Совершенно верно.

— Я... я пробегала мимо.

— Да. Рад видеть такую пышущую здоровьем... гм... Дэвид наверху, в своей комнате.

С этими словами Лайтмен-старший шагнул назад, пропуская девушку в дом. Видя, как Дженифер уверенно идет к лестнице, он не мог скрыть удивления.

— Вы уже бывали у него в комнате?

— О да!— задорно ответила она.— Дэвид — замечательный мальчик.

— Как там у него?

Она закатила глаза: «Потрясно!»

Мистер Лайтмен неловко помахал зажатой в руке газетой.

— Вы должны брать его с собой на тренировки. Он совсем не занимается спортом.

— Обещаю заставить его делать упражнения, мистер Лайтмен! — весело произнесла она, махнув на прощание рукой.

На стук в дверь раздалось ворчливое: «Да?»

— Это я, Дженифер.

— Дженифер? — Послышались шаги, раздался щелчок, и Дэвид Лайтмен высунулся из двери, словно крот из норы.— Привет. Ну, заходи.

Девушка вошла в комнату.

— Ого! — воскликнула она.— У тебя как после бомбежки.

Комната, и без того захламленная, сейчас напоминала поле боя: бумага, журналы, кипы распечаток, груды грязного белья, банки из-под кока-колы, пакеты из-под хрустящего картофеля и прочие неопознанные валяющиеся объекты. Вся наличная аппаратура работала с полной нагрузкой.

— Я очень занят,— буркнул Дэвид, усаживаясь перед клавиатурой.

— Вижу. Тебя не было в школе.

Дэвид вперился в дисплей монитора.

— Что? — рассеянно переспросил он.

Ну и бирюк, даже не обратил внимания, как она выглядит.

— Ты можешь ответить, чем ты был занят?

— Сидел в библиотеке.

— Кроме шуток?

— Пытался отыскать что-нибудь об этом парне, который составил программы игр. Дженифер, представляешь, это оказалось совсем просто! Его полное имя Стивен У. Фолкен. И первая работа, на которую я натолкнулся, называлась «Лабиринт Фолкена. Как обучить машину думать»! Я выписал все его публикации... и выяснил, что Фолкен умер в 1973 году. Теперь пробую разные варианты, но...

— Погоди. А ты узнал, кто он такой, твой Фолкен?

— Конечно. Он англичанин, но почти все время работал по контракту с американским министерством обороны.

— Нет, Дэвид, честное слово, ты чокнулся. Ну что такого в этих играх, чтобы так убиваться. Бред какой-то!

— Это не просто игра, Дженифер. Я столькому научусь, если смогу подключиться к их программе! Вот. Ты хотела узнать про Фолкена.— Он схватил кассету и сунул ее в видеомагнитофон.— Смотри!

На телеэкране показались изображения нескольких игр. Голос за кадром рассказывал что-то о стратегии игр, об электронных машинах. Изображение было черно-белое — старая запись. Затем появился человек.

— Это Фолкен,— сказал Дэвид,— демонстрирует прототип своего компьютера. Он был большой мастак по программированию. Машины у него не только умели играть. Он создал компьютеры, которые учились на своих ошибках и повышали мастерство с каждой партией. Система обучала сама себя. Если удастся подобрать пароль, я смогу применить его метод для своих собственных программ...

Продолжение. Начало в № 2—4

ВОЕННЫЕ ИГРЫ

Дэвид БИШОФ,
американский писатель

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рис. Н. БЕНУА

— Да...— протянула Дженифер, глядя на экран,— жаль, что он умер. Иначе ты мог бы ему позвонить. Совсем молодым умер.

— Что ты, старик,— махнул рукой Дэвид,— сорок один год.

— Неужели такой старый?

— Да. Я нашел некролог.— Дэвид протянул ей распечатку.

Тем временем на телеэкране появился трехлетний мальчуган, нажимавший клавиши компьютера. Камера подъехала ближе, и стало видно, что он играет в крестики-нолики.

— Его сын,— сказал Дэвид.

Дженифер просматривала некролог.

— Какой ужас,— сказала она.— У него жена и сын погибли в автомобильной катастрофе.

Дэвид вдруг вскочил, словно получив разряд электричества.

— Как его звать? — закричал он.

— Кого?

— Фолкеновского сына. Как его звали?

Дженифер взглянула в распечатку.

— Джошуа.

Глаза Дэвида сверкнули.

— Сейчас попробую. Он мог закодировать систему именем кого-нибудь из своих близких... Вдруг это Джошуа — ведь он играл с компьютером!

Дэвид сел к пульту и ввел слово ДЖОШУА.

СЕАНС ОКОНЧЕН, ответил монитор.

— Это было бы слишком просто,— сказала Дженифер.— А знаешь, у меня есть идея.

Дэвид обмяк в кресле и покачал головой.

— Ну как же, Дженифер Мак — гений ЭВМ. Я тут двое суток бьюсь головой о клавиатуру, а ты пришла и раздва — нашла ответ.

— Не зуди! — раздраженно оборвала его Дженифер.— Давай попробуем. Может, это не просто «Джошуа», а два имени — сына и жены.

— Нет, как правило, ставят одно слово. Сейчас попробую. Как звали жену?

— Маргарет.

— Не сработало.

— Стой! — сказала Дженифер в приливе вдохновения.— Здесь сказано, что Джошуа погиб в возрасте пяти лет. Может, попробовать цифру «пять» после слова «Джошуа»?

— Отчего не попробовать,— пожал плечами Дэвид.

Дженифер встала, чтобы посмотреть, как он набирает: ДЖОШУА 5.

Монитор не отключился.

Неожиданно по экрану побежали совершенно непонятные Дженифер буквы и цифры.

— Клюнуло! — в восторге закричал Дэвид.

На экране загорелись слова: ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПРОФЕССОР ФОЛКЕН.

— Подключились! — захлебнулся Дэвид.— Машина думает, что я Фолкен!

Он быстро набрал ответ: ПРИВЕТ.

Экран отреагировал фразой: КАК ВЫ ПОЖИВАЕТЕ?

— Зачем она спрашивает об этом? — удивилась Дженифер.

— Машина будет спрашивать обо всем, что заложено в ее программе,— ответил Дэвид.— Хочешь послушать, как она разговаривает?

— Разговаривает? Ты имеешь в виду... произносит слова?

— Ага! — Дэвид постучал пальцем по небольшой коробке с тумблерами и ручками.— Это синтезатор голоса. Сейчас включу — и он будет повторять каждое слово по слогам.

ХОРОШО. А ТЫ? набрал Дэвид.

Машина ответила двумя строчками букв на экране. Одновременно чуть гнусавый голос произнес без всякого выражения: «Прекрасно. Чем объяснить исчезновение вашего абонентного номера 23 июня 1973 года?»

ЛЮДИ ИНОГДА СОВЕРШАЮТ ОШИБКИ, набрал Дэвид.

— Верно,— раздался электронный голос.

— Я не понимаю,— растерянно сказала Дженифер.

— Это не настоящий голос,— объяснил Дэвид.— Прибор просто переводит сигнал в звук.

— Не хотите сыграть? — спросила машина.

— Знаешь...— произнесла совершенно завороженная Дженифер,— похоже, она соскучилась по Фолкену.

— Ага! — в раздумье кивнул Дэвид.— Фантастика, да?

Странная улыбка застыла на его лице. Дженифер она не понравилась: в ней было что-то победно-зловещее.

НАЧНЕМ ТЕРМОЯДЕРНУЮ ВОЙНУ, набрал Дэвид.

— Не угодно ли партию в шахматы? — спокойно осведомилась машина.

ПОТОМ, набрал Дэвид. ДАВАЙ СЫГРАЕМ В МИРОВУЮ ТЕРМОЯДЕРНУЮ ВОЙНУ.

— Прекрасно,— ответила машина.— На чьей стороне вы будете?

— Ага! — сказал Дэвид.— Сейчас долбанем!

Я БУДУ РУССКИМ, набрал он.

— Обозначьте цели первых ударов,— потребовала машина.

— Ну и игра! — Дэвид повернулся к Дженифер.— Куда ты хочешь шарахнуть атомной бомбой?

— В Лас-Вегас,— ответила Дженифер.— Отец однажды просадил там в казино кучу денег.

— О′ кэй! Давай дальше. Безусловно, Сиэтл.

— Да! Мне здесь обрыдло,— согласилась Дженифер.

Оба захихикали.

Дэвид Лайтмен ввел в машину названия еще нескольких городов.

— Что дальше? Надо ждать?

— Не знаю.

— Игра начинается,— объявил компьютер.

Экран опустел.

— Что-нибудь не так? — спросила Дженифер.

— Не знаю.

Внезапно по экрану густо поползли данные.

— Ну вот и все. Вы готовы начать третью мировую войну, леди Мак?

— Да!

Оба громко расхохотались.

В Хрустальном дворце, пещерном чреве, начиненном попискивающими и помаргивающими машинами смерти, работа шла своим чередом. Техники разговаривали приглушенными голосами, перекатываясь от стола к столу в креслах на колесиках и снимая показания приборов. Специалисты изучали данные сотен радарных и сонарных установок. Большие электронные карты, висевшие под потолком, выглядели словно пустые скрижали в ожидании заповедей.

Между картами находилось табло, призванное показывать счет в будущей смертоносной игре. Сейчас оно сообщало, в какой степени готовности находится система обороны страны: СТОГ 5.

СТОГ (степень оборонной готовности) 5 означала мирное время. СТОГ 1 — тотальную войну; 4, 3 и 2 соответствовали промежуточным стадиям.

Генерал Джек Берринджер сидел, сняв китель, на командном мостике напротив больших экранов и думал о том, почему не несут кофе. Генерал Джек Берринджер пребывал не в самом лучшем расположении духа.

Его сын Джимми не был военным. По правде говоря, его сын Джимми был интеллигентский хлюпик, вымучивающий занюханную ученую степень по филологии в каком-то колледже, а папаша — плати за обучение! Главный предмет забот генерала формулировался так: как привлечь людей в армию? Дочерей он выдал замуж, и они, как полагается послушным дочерям, родили внуков, но единственный сын назло отцу отказался записываться в вооруженные силы. Как раз сегодня утром миссис Берринджер, сияя, показала ему письмо от Джимми, восхищаясь, каким замечательным слогом оно изложено. Генерал Берринджер возразил, что он с куда большим удовольствием наблюдал бы за тем, как этот балбес держит винтовку, а не водит пером. Эта ремарка вызвала короткую стычку между генералом и генеральшей.

Еще больше генерал Джек Берринджер был раздражен успехом прошлогодней поездки доктора Джона Маккитрика в Вашингтон. Паршивец добился своего. Теперь компьютер ОПРУ (оперативный план ракетного удара) заменил людей в шахтах, а сам Маккитрик разгуливает с масляной улыбкой. «Сколько наград заслужил я в Корее и Вьетнаме, и вот она, благодарность»,— пробурчал генерал себе под нос.

— Где сержант Рейли? — громко спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.— Где, черт побери, мой кофе?

Он чувствовал, как накатывает головная боль, и кофе нужен был, чтобы запивать аспирин; наверняка понадобится не одна таблетка, чтобы оставаться в форме до конца дежурства.

Оператор радарной установки Тайсон Адлер осторожно сделал глоток горячего отвара из трав: у Адлера невыносимо першило в горле. Накануне он был в дискотеке и его прохватило на сквозняке.

В ту секунду, когда он отвернулся от экрана, на горизонте появилась электронная точка. Затем еще две.

И вот уже целая гроздь светящихся точек двинулась к западному побережью Соединенных Штатов.

Боже праведный!

Долю секунды Адлер глядел на электронные светляки, потом рявкнул в микрофон: «У меня семь... поправка, восемь красных птиц, два градуса после апогея, предполагаемые районы поражения... НОРАД два-пять и два-шесть».

Немедленно включилась сирена, все головы разом застыли у консолей, как бывает в аудитории на послеобеденной лекции, когда окрик профессора вырывает студентов из сна.

Капитана Кента Ньюта, как и большинство дежурных, сообщение Адлера застало врасплох. Но он тут же встрепенулся и щелкнул тумблером прямой связи с базой НОРАД на Аляске.

— Кобра Дейн,— произнес он, стараясь совладать с дрожью в голосе.— Поступило сообщение о движении советских ракет. Проверьте правильность показаний приборов и доложите...

— Всем станциям,— твердо отчеканила связистка ВВС, глядя на свой терминал.— Говорит Хрустальный дворец. Тревога! Срочно доложить о готовности.

Оператор радарной установки Адлер был слишком поглощен работой, чтобы испытывать страх. Он считывал в микрофон показания экрана:

—...Девятнадцать градусов после апогея, восемнадцать потенциальных целей поражения. Предполагаемый вход в плотные слои атмосферы — двадцать три, девятнадцать, Зулу.

Генерал Джек Берринджер пытался оттереть пролитый на брюки кофе.

— Сэр,— доложил полковник Конли,— наши радары показывают восемь советских межконтинентальных баллистических ракет, летящих в нашу сторону. Они уже над полюсом.— Сверившись с записями, он добавил:— Время до удара... двенадцать... точнее — одиннадцать минут. Уточненная зона поражения: Запад Соединенных Штатов.

Долю секунды генерал Берринджер пребывал в ступоре. Затем его голова круто повернулась к центральному экрану с изображением Северной Америки и окружающих ее морей и океанов. С края карты к побережью континента двигались восемь светящихся точек.

— Почему с разведывательных спутников не было сообщения о запуске ракет? — спросил генерал Берринджер.

На бровях Конли повисли капельки пота.

— Не знаю, сэр. Мы ищем неисправность...— Он вновь повернулся к своей консоли.

Адлер чувствовал, как к горлу подступает тошнота. Изображения на его экране с ужасающей четкостью показывали ход событий. Тяжко дыша и сглатывая слюну, то и дело поправляя съезжающий набок микрофон, он расшифровывал то, что видел:

— Система раннего предупреждения подтверждает атаку баллистических ракет... достоверность высока... повторяю, степень достоверности высока.

«Мамочка, я люблю тебя»,—промелькнуло в голове Адлера.

Примерно в тысяче миль от подземного центра двое подростков как зачарованные глядели на маленький экран «Сильвании». По экрану проплыли флотилии символов, казавшихся Дженифер Мак египетскими иероглифами. Лицо юноши отражало чистейшую радость, когда приходилось отвечать на вопросы машины; он азартно нажимал клавиши и подскакивал при виде результата.

— Что все это значит? — допытывалась Дженифер.

— Не знаю,— расплывался в улыбке Дэвид Лайтмен,— но здорово!

Символы проносились по экрану, как электронные призраки, и вереницей мчались навстречу Страшному суду, точнее, на терминал компьютера ОПРУ в толще горы Шайенн. Там у печатающего устройства стоял долговязый лейтенант Харлан Догерти.

Оторвав распечатку, Догерти выпалил ее содержание генералу Джеку Берринджеру, вцепившемуся мертвой хваткой в спинку стула.

— Президент уже в лимузине, направляется к базе «Эндрюс»... Вице-президента нет на месте... Председатель комитета начальников штабов...

Полковник Конли поднял голову от пульта связи.

— Система раннего предупреждения функционирует исправно. Достоверность остается высокой,— произнес он, внезапно ощутив легкое головокружение. Его всегда подмывало узнать, а как все это будет в действительности, не на учениях и испытаниях. Теперь Конли знал. И мысль была одна — сможет ли он, несмотря на весь профессиональный навык, выполнить это?

— Переводите на СТОГ 3,— приказал генерал Джек Берринджер.— Пусть поднимают бомбардировщики.

Помощники немедленно передали приказания. Берринджер поднял глаза на электронное табло под потолком. На нем все еще горело СТОГ 5. Через мгновение цифра изменилась на 3.

Капитан Кент Ньют уловил перемену сигнала, уловил боковым зрением, как засуетились офицеры и техники, уловил гудение голосов и учащенное мигание сигнальных лампочек. Отжав кнопку последней цифры заранее набранного кода, он произнес в микрофон:

— Говорит Хрустальный дворец. Командующий НОРАД объявляет СТОГ 3. Поднимайте дежурные самолеты. Повторяю: поднимайте все дежурные самолеты.

Оператор радарной установки Адлер, сидевший в нижнем ряду амфитеатра, следил за происходящим по своему дисплею. Та же картина отражалась на большом экране под потолком. Восемь ракет разделились на множество боеголовок.

— МИРВы [1] разошлись,— передал Адлер.— Сейчас двадцать четыре потенциальные цели.

Выслушав сообщение, лейтенант Догерти взглянул на показания дисплея.

— Сэр,— доложил он генералу Берринджеру,— до удара остается восемь минут!

Это по-настоящему, подумал Берринджер. Если что-то вдруг не изменится кардинальным образом, в дело вступит «большая тройка» — ударная волна, испепеляющий жар, смертоносная радиация. На такой работе, как у Берринджера, человек должен постоянно быть готовым к этому. Генерал вздохнул. Перед мысленным взором тут же возникли лица внуков, жены и даже поганца сына, штудирующего английский в занюханном колледже, и война внезапно перестала быть просто работой даже для него.

— Пора шевелить ракеты в стойлах,— бросил Берринджер Конли.

Он в сотый раз поднял глаза на экран; светящиеся точки упрямо приближались к Соединенным Штатам. «У старухи с косой сегодня будет урожайный день»,— подумал Берринджер.

— Сэр?

Помощник протягивал Берринджеру трубку желтого телефона. Генералу предстояло принять страшное решение.

— Знаешь,— сказал Дэвид, глядя на монитор, по которому стройными рядами дефилировали буквы и символы,— я, кажется, раскусил эту штуку. Жаль только, мало изображения. Когда буду делать свой вариант, обязательно введу богатое изображение. Тут есть где разгуляться!

— А звуки? — спросила Дженифер.— Ты можешь сделать звуки, как в игротеке?

— Конечно. Свист, рев, взрывы... Бум! Трах!

Он поднес руку к клавиатуре, чтобы ввести соответствующий приказ, но тут со двора донесся металлический звон, а вслед за ним яростный собачий лай.

— Ого! — воскликнул Дэвид.— Американцы бросили против нас войска с овчарками!

---

[1] *МИРВ — разделяющиеся боеголовки индивидуального наведения.— Прим. авт.*

— Дэвид! — раздался голос снизу.— Дэвид!

Оба согнулись от хохота. Дэвид доковылял до окна и выглянул во двор. Так и есть, папаша стоял возле двух опрокинутых мусорных баков, обратив на второй этаж негодующую физиономию. Газон был завален мусором.

— Дэвид! — завопил он.— Сколько раз можно говорить — закрывай крышку на замок. Теперь полюбуйся!

— Я спущусь через пару минут,— ответил Дэвид.

— Не через пару минут,— взвился мистер Лайтмен,— а немедленно! Ты слышишь? Немедленно собери всю эту гадость!

— Вот, всегда так,— Дэвид с сожалением взглянул на экран.— Не везет,— вздохнул он, выключая систему.

На большой карте Северной Америки в Хрустальном дворце НОРАД вдруг разом замигали все лампочки, экраны погасли, вой сирены смолк.

— Что? — вскинулся Адлер.

— Какого черта? — произнес капитан Ньют.

Полковник Конли записал переданное сообщение.

— Генерал, Служба раннего предупреждения и Кобра Дейн передают: сообщение о ракетной атаке не подтвердилось.

Берринджер не сразу уяснил смысл сказанного. Затем его обдало волной надежды.

— Передайте командованию стратегической авиации,— приказал он,— пусть не дергаются!

Краем глаза он заметил, как в оперативный зал Хрустального дворца ворвался взмыленный человек и бешено замахал руками.

— Стоп! Сто-о-оп! — во все горло орал Поль Рихтер. Удивленные лица повернулись к нему.— Это имитация! — продолжал кричать он.— Машина моделирует нападение!

Отпихнув кого-то из операторов, Рихтер, прыгая через несколько ступенек, ворвался на мостик и, задыхаясь, выпалил:

— Никакой атаки нет! Это имитация! Ради бога, не давайте прика...

— Что происходит, черт побери? — зарычал Берринджер, наливаясь кровью.— Вы не знаете, что здесь запрещено бегать?!

— Извините, сэр,— Рихтер все еще хватал ртом воздух.— Мы еще не знаем подробностей, но кто-то посторонний ввел в главную систему программу, моделирующую атаку баллистических ракет.

Следом за Рихтером на балкон поднялась Пат Хили с листом распечатки.

— Конли,— сказал генерал,— дайте отбой общей тревоги и переведите на СТОГ 4, пока мы точно не выясним, что происходит...

— Мы установили район, откуда поступала команда, сэр,— сказала Пат Хили.

— Откуда? — спросил Берринджер.

— Сиэтл, штат Вашингтон.

Настроение отличное! Понедельник промелькнул незаметно. Дженифер Мак держалась с ним дружелюбно и непринужденно. Надо будет взять ее как-нибудь в зал видеоигр — поучить обращению с машинами. Но это не к спеху. Дженифер, конечно, ничего, но дело прежде всего.

— Дэвид! — окликнула из кухни мать. Дэвид замер. В голосе матери, как показалось, он уловил сухие нотки.

— Я что-то натворил?

Мать молча протянула ему белый картонный формуляр. Ее лицо расплылось в счастливой улыбке.

— Твои отметки. Поздравляю, дорогой!

Дэвид взглянул в табель. Ну конечно, облапошил школьную ЭВМ — вот и результаты, вздохнул он. Мать крепко обняла его.

— Иди покажи скорей отцу. Я говорила ему, ты можешь учиться! — Взяв сына за руку, мать решительным шагом направилась к телевизору.

На экране ведущий Дэн Разер сообщил о главном событии дня:

— Вчера вечером в течение трех с половиной минут вооруженные силы Соединенных Штатов находились в полной боевой готовности для отражения ядерной атаки.

— Гарольд, полюбуйся на это! — Миссис Лайтмен сунула формуляр под нос мистеру Лайтмену.

— Погоди,— отмахнулся мистер Лайтмен.— Ты что, не слышала?

— Судя по показаниям приборов,— продолжал ведущий,— Советский Союз произвел неожиданное ракетное нападение.

Что? Дэвид уставился на экран. По мере того, как Разер сообщал подробности, в него закрадывалось подозрение, постепенно переходившее в леденящий ужас.

— Немыслимо,— вздохнула миссис Лайтмен.

— Представитель Пентагона,— рокотал Разер,— возлагает вину за ошибку на действия компьютера. Как он подчеркнул, неисправность была немедленно устранена.

Мистер Лайтмен глядел на жену и сына округлившимися глазами.

— Я говорил тебе, дорогая, рано или поздно это кончится вселенской катастрофой. Проповедник Робертсон совершенно прав насчет этих машин. Ты слышишь, Дэвид?

Еще бы! Но ведь машина сказала, что это была игра, всего лишь игра!

— Извините,— пробормотал он и бросился к себе в комнату. Включив телевизор, он стал досматривать выпуск последних новостей. Представитель министерства обороны объяснил, что реальной опасности не было, что появление подобного сбоя — один шанс на миллион, и такая вещь никогда, никогда больше не повторится.

Зазвонил телефон.

Дэвид подскочил: «Алло?»

Он тотчас узнал голос Дженифер Мак.

— Дэвид, ты смотришь телик?

— Новости? Гм... да.

— Это мы? — Дженифер не могла сдержать восторга.— Неужели это все из-за нас?

Сейчас Дэвид Лайтмен осознал это с полной ясностью. Его собственный мирок, наполненный проказами и играми, вдруг оказался в центре огромного пугающего мира.

— Видимо,— ответил он.— Я пропал, Дженифер.

Трубка какое-то время хранила молчание, но вскоре рассмеялась:

— Да ладно тебе! Успокойся. Если они такие умные, они бы уже нашли тебя. Ведь прошел целый день.

— Я... Я не уверен...

— Да брось ты! — фыркнула Дженифер.— Просто не звони по этому номеру, а лучше выбрось его!

В голове Дэвида забрезжила надежда.

— Знаешь, есть шанс, что они... нам ведь пришлось отключиться... и они не успели засечь источник!

— Конечно! Веди себя нормально, и все будет о'кэй. Не бери в голову.

— Ага. Спасибо, Дженифер. Поговорил с тобой, и полегчало.

Он повесил трубку и рухнул на постель, зарыв голову в подушку. Надо было собраться с мыслями. Боже мой, думал он, если бы Ральф не перевернул мусорный бак... если бы отец не приказал мне спуститься немедленно... если... если... если...

Мир спасла от гибели собака!

Улики, мелькнуло у него. Остались улики! Он в панике вскочил с кровати. Все здесь уличало его в преступлении. Грудой навалены книги, журналы, брошюры, проспекты, отчеты, с полки смотрит портрет Фолкена — фотокопия, снятая им в одном старом журнале.

Этот человек был гений. Кто другой отважился бы забраться в волшебный мир за десять лет до того, как его открыли для себя остальные? Фолкен бы понял. Фолкен знал, что влекло Дэвида Лайтмена; он на себе испытал, сколь притягательны эти игрушки — сплав металла, стекла, пластика и энергии, — подчиняющиеся магическим заклинаниям алгоритмов. Больше никто — ни родители, ни Дженифер, ни даже Джим Стинг — не понимал, что́ означает для Дэвида каждый этап освоения этих машин. В мире машин царила логика, справедливость, честность, порядок...

Разорванные клочки фотографии полетели в корзину.

Перевел с английского М. МАШИН

Продолжение следует

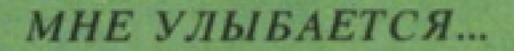
Тереза Богуславская умерла за три месяца до Победы. Ей было пятнадцать лет, но детство кончилось для нее в сентябре 1939 года, когда фашисты напали на Польшу. В 13 лет Тереза примкнула к молодежной подпольной организации. Через полгода ее арестовали — она расклеивала листовки собственного сочинения: «Через страдания и боль — к Победе».

Ее били, над ней издевались, ее морили голодом. Она молчала. Неожиданно ее выпустили — Тереза понимала, что фашисты хотят использовать ее как приманку, чтобы выследить ее друзей-подпольщиков. Родители переправили Терезу в деревню.

У Терезы начался туберкулез. Когда в августе сорок четвертого вспыхнуло Варшавское восстание, она была уже тяжело больна. И все же вернулась в Варшаву. Она работала в группе обеспечения в подвале на Мазовецкой: комплектовала санитарные сумки, перевязывала раненых.

После поражения восстания друзьям удалось увезти Терезу в горы, в Прикарпатье. Но было поздно...

Стихи, которые писала Тереза, недавно разыскали польские харцеры. Здесь мы публикуем несколько полных мужества и боли стихотворений военной поры из сборника стихов Терезы Богуславской.

МНЕ УЛЫБАЕТСЯ...

Мне улыбается при встрече
Земля под белоснежной шалью.
Холмы подернулись печалью,
А здесь бело, и сердцу легче.

Мне улыбаются со звоном
Капелей дивные алмазы,
И даже куст благообразный
Подмигивает ближним кронам.

Мне улыбается все небо,
И дом, придавленный снегами,
И воронье в бесовском гаме,
Клюя с земли остатки хлеба.

Мне улыбается ограда
И под ногою прут железный,
Скамейки остов бесполезный,
И стылый пруд грозит из сада.

И, улыбаясь мимоходом,
Идут, спешат чужие люди,
А мне понятней в белом чуде
Любовь к случайным пешеходам.

И целый мир в коврах прекрасных
Мне улыбается, сверкая,
И сердце, счастьем истекая,
Не помнит слез своих напрасных.

ВАРШАВЕ

Ночь крылá над Тобой распростерла,
Мгла опутала крыши и кроны,
Захлестнулись ветры вкруг горла
И пожарищ взметнулись короны.

Разразилась гроза над Тобою,
И в зрачках искры тлеют кроваво...
Но возвысилась Ты над разбоем,
Претерпевшая муки, Варшава!

Бомбы падали с дьявольским визгом
И взрывались, но темная сила
Вражьей мощи в стремлении низком
Пред величьем Твоим отступила.

Ты в огне закалилась навеки
И пребудешь твердынею славной,
Твое сердце — в любом человеке,
В каждом камне, в реке этой плавной...

Ты воскресла в зарнице багровой,
Но, воскресшая, Ты — величава...
Слышу колокол скорби суровой
И к тебе припадаю, Варшава!

СЛЕЗЫ

На веки слезы отчего-то навернулись,
Мне удержать ничто их не поможет,
И странной тяжестью все сердце изнеможет,
Вот-вот заплачу я, от жалости зажмурясь...

Стучит в висках, и мысли роем вьются...
И рот дрожит, бессильный поневоле...
И слезы, мои слезы льются, льются,
Такие жгучие и горькие от боли.

И я стыжусь, стыжусь тех слез ужасно,
И все же плачу, а зачем, не знаю...
Сама своей тоски не понимаю,
Которая как будто бы напрасна,
А слезы грусти льются неминуче,
Как от утраты — в горести горючей...

Перевел с польского В. ШАМОВ

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор В. В. Рыжов
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Т. П. Максимова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 12.03.86. Подписано в печ. 09.04.86. А07682. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч-изд. л. 5,5. Тираж 1 125 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 57.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 35 коп.